

19188
34
Д' АСЕСДЬ

ИТОГИ И УРОКИ
ТРЕХ ЛЕТ
ЩАКОМАНОВЩИЦ

Львів. Бібліотека
А. П. УРСР

Всукраинское Государственное издательство
ХАРЬКОВ
1921

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
NEW YORK

10 25-138

Д' АСБЕДА

ИТОГИ УРОКОВ
ТРЕХ ЛЕТ
ДИАКОНИИ

44919

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Всукраїнськоє Государственное издательство
ХАРЬКОВ
1921

0(c) 212

ТЗ(2) 712.9-493

ТЗ(2) укр 712.9-493

Типографія
«КОММУНІСТ»
Ц. К. К. П. (б). У.

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 47877

2366.

Р. В. Ц.

Львівська державна
наукова бібліотека

3276

Тираж 10.000 экз.

*Проведшему десятки лет в борьбе
и подготовке рабочей революции, учи-
телю - товарищу, первому рабочему
Украинской Советской Республики,*

Г. И. Петровскому
посвящаю свою скромную работу.

Предисловие.

Бандитизм, его причины, следствия и средства борьбы с ним на Украине, объективно, с точки зрения нынешней политики Советской власти и задач, стоящих в перспективе, вполне объяснимы. Мелко-буржуазное собственническое, возглавляемое кулачеством, движение крестьянства в условиях сложной экономической внутренней обстановки и такой же запутанной и тяжелой политической внешней,—таково общее определение бандитизма на Украине. Однако, в глубине процессов, происходящих в деревне, связанных с бандитизмом, а подчас и питающих его, есть много на первый взгляд противоречивых моментов, стусеивающих основное определение мелко-буржуазности бандитизма. Так, например, различные политические платформы бандитизма: петлюровщина—„социалистическая самостийность“, выставляемая некоторыми вождями бандитизма, народничество, борьба за казацкую вольницу, явная буржуазно-помещичья контр-революционность и анархизм,—все это находит себе освещение, оправдание и цель в различных бандитских, повстанческих стремлениях и отражается иногда широкими, иногда ограниченно-узкими территориально движениями бандитизма (отдельные села, волости в одних случаях; уезды, губернии—в других). Вследствие такой пестроты политических позиций и лозунгов отдельных частиц бандитизма сплошь и рядом даются неверные толкования его сущности, и делаются совершенно противоположные выводы, вроде того, что петлюровских атаманов, оперирующих на Украине, считают отличными от ярко-буржуазного шовинистического направления, какое преследует сам Петлюра и его приверженцы.

Целому ряду атаманов банд, вроде Мордалевича, Орлика, Струка и других, приписывают особые украинско-народнические стремления и т. д.

Нет сомнения, что наиболее сложным в обосновании подлинной мелко-буржуазной кулацкой сущности является бандитизм, укрепившийся под названием „махновщины“; в силу целого ряда обстоятельств, сопутствовавших развитию маховского бандитизма, ему считают свойственными и некоторые особенности революционно-народного характера в отличие от других видов бандитизма. Имеющаяся уже литература по бандитизму на Украине достаточно полно

осветила как исторически фактическую сторону, так и его внутреннюю сущность, объяснив отдельные мелкие бандитские объединения и их платформы не чем иным, как авантюристическим прикрытием в глазах крестьян настоящей цели и сущности этих банд, когда атаманы, в целях простого грабительства, вольности, авантюризма и контр-революционной игры, дабы успешнее собирать крестьян под свои знамена, выставляли лозунги, сплошь и рядом близкие к содержанию советского строя, но в то же время способные повести крестьян против Советской власти в ее настоящем виде. Многие из таких атаманов изобретали возможно пооригинальнее лозунги, в отличие от уже имевшихся, и вели приставших к ним крестьян на борьбу с Советской властью.

Объяснения на все эти варианты очень просты: те крестьяне, которые шли или поддерживали эти разнородные банды, были влекомы мелко-буржуазными собственническими инстинктами, и они не понимали платформы своих атаманов, а довольствовались их враждебностью к Советской власти, как к пролетарской диктатуре.

В брошюре т. Х. Раковского „Борьба за освобождение деревни“ собран интересный материал, дающий представление о разновидности этих бандитских объединений, об их действиях и выставленных ими лозунгах в 1919 г. В настоящее время характер бандитизма не изменился, политически он питается теми же соками, что и раньше, выдвигает те же претензии и имеет те же лозунги, что и тогда. Вот почему в задачу настоящей брошюры входит: дать освещение одной наиболее сильно укоренившейся и имеющей более глубокие корни и поныне в левобережной украинской деревне, части бандитизма, а именно: „махновщине“ и сделать необходимые выводы.

Село Лопатино.
4 сентября 1921 г.

Анархо-махновщина, как мелко-буржуазное бунтарство.

I.

Является ли махновщина выражением крестьянского протеста мелко-буржуазного класса против социалистического движения, или это есть случайное, самодовлеющее политическое движение, не связанное с исторически-социальным укладом Украины? Этот вопрос должен быть основным при определении махновщины в марксистской постановке.

Учитывая, что Россия—преимущественно крестьянская страна, где только с октябрьской революции был поставлен на реальные рельсы вопрос о дифференциации крестьянства, напрашивается неизбежно вывод, который теперь должен быть особенно понятным, что отношение крестьянства в целом к социалистической революции не таково, как отношение рабочего класса, что и внутри самого крестьянства отношение к революции разнородно. Наиболее придавленный помещичьим режимом и экономически обесиленный крестьянин в первые дни революции должен был пойти вместе с рабочим классом. Кулацкие и даже средние слои упорно сопротивлялись тем социалистическим реформам, какие вводила Советская власть в деревне, и только через два года, при помощи различного рода революционных мероприятий, мы достигли на территории России экономического уравнивания крестьянина: обессилили кулака, забрав у него землю и инвентарь, подняли благосостояние бедняка. В результате этого процесса мы получили единый средний слой. На Украине этот процесс затянулся и встречает много преград, которые отсутствовали в борьбе за революционизирование деревни России. Объясняется это не только тем, что Украина служила плацдармом международных авантюров против Советской России, что ее земли превращались в лагери германского и англо-французского империализма, и что на ее территории трижды восстанавливала свое торжество реакция, но и, главным образом, тем, что социальный уклад украинской деревни разнится от российской.

Исторически украинский крестьянин осел раньше, чем в других территориях. В то время, когда крестьянин центральной России имел средние наделы до 2-х десятин, на Украине они исчислялись в 6—8,

и то, что для Украины было средним хозяйством, для России считалось кулацким. Следовательно, слой бедноты на Украине равнялся российским середнякам. Вот это экономическое несоответствие и объясняет то явление, что на Украине крестьянство поддавалось влиянию Советской власти гораздо медленнее, чем в России. Еще в начале революции для всякого большевика-марксиста было очевидным, что залогом пролетарской революции в России будет успешное овладение крестьянством. Эс-эры, считавшие себя крестьянской партией, ставили своей целью в России овладеть крестьянскими массами. Но именно потому, что они опирались в своей политике на незначительные, зажиточные слои крестьянства, противопоставляя себе огромные массы бедноты и среднего крестьянства, они не смогли удержать за собой крестьянство в целом. Большевики теоретически этот вопрос решили давно, в октябре же было положено начало практическому решению. Закон о земле, комитеты бедноты, продовольственная политика, — все это помогло овладеть крестьянством в этот период революции. Революционная крепость российского рабочего класса, его способность к сближению с крестьянством, устранили влияние других политических партий. Эс-эры изжили себя, как не выполнившие перед крестьянством своих обещаний; попытки анархистов, проявившиеся в первое время октябрьской революции, в смысле стремления опереться на крестьянство, потерпели поражение. Таким образом, российская деревня, прошедшая процесс кипения в котле пролетарской революции, избежала до настоящего времени крестьянских восстаний, как массового, затяжного явления; там не было организованного длительного движения мелко-буржуазной стихии.

Ни одна политическая партия не сумела поднять массовое крестьянское движение, направленное против Советской власти; не удалось это и анархистам. Крестьянством в России крепко овладела Советская власть. Только на 4-й год, когда достигнуто уравнение внутри крестьянства на территории России, выявляется стихийная нетерпимость; однако, это не может вылиться в массовое движение, потому, что идея советского строя и разумная политика Советской власти предотвращают выявление мелко-буржуазности российского крестьянства в бандитские движения. Отдельные бунты, восстания, недовольство — характеризуют длительность полного политического и идейного овладения крестьянством, и это Советская власть прекрасно понимает, делая неизбежные выводы в своей экономической политике, облегчая всеми средствами этот исторический процесс.

Так обстояло и обстоит дело овладения крестьянством в России. Борьба за влияние на украинское крестьянство в первые же дни обозначилась гораздо резче и определеннее, чем в России. В крестьянстве нет достаточно широкого слоя бедноты, опираясь на который Советская власть могла бы твердо проводить свою земельную и продовольственную политику. Рабочие Украины малочисленны и не порвали еще связи с деревней, а поэтому, несомненно, менее революционны и классово-сознательны, чем в России. Они не были способ-

ны сблизиться с крестьянством и перекинуть мост, скрепляющий диктатуру пролетариата и делающий возможным проводить ее влияние в крестьянскую гущу. Деревня в огромной своей части остается не советской, и влияние коммунистической партии ничтожно в это время в украинском селе. Комбеды не находят достаточной опоры, так как беднота еще не выведена из состояния пассивности. Кулак же при помощи украинских шовинистов организовал вокруг себя различные деревенские слои, включая бедноту, и оказывал упорное сопротивление Советской власти. Еще до октябрьской революции украинское крестьянство находилось под влиянием националистов различных мастей—от социалистов-федералистов до соц.-демократов и эс-эров.

Свержение Центральной Рады немцами и водворение гетмана кладет начало дроблению крестьянства на различные группы, идущие за той или иной политической партией. Если до этого крестьянство почти в целом было на стороне Центральной Рады и партии, руководившей ею, то отсюда уже начинается наиболее острая борьба внутри крестьянства; часть кулачества отдает свои симпатии гетману, правительство которого стремится путем созыва съездов крепких хозяйчиков укрепить связи с куркульской частью села. Часть крестьян остается за национал-социалистами петлюровского и винниченковского толка, и только незначительная часть идет за большевиками. В деревне начинается подлинное кипение борьбы. Кругом восстания. Крестьяне собираются в повстанческие отряды, борясь с немцами и гетманцами, но этот период борьбы не теряет своего ярко-национального облика.

Таков характер процесса. Особенно ярок он на Правобережье Украины, в губерниях Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, и на Левобережье, в Полтавской губ. Эти губернии исторически наиболее крепко связаны с национальным движением, и в крестьянстве глубоко были внедрены национальные притязания. В других губерниях Левобережной Украины—Харьковской, Николаевской и Екатеринославской, происходят те же процессы революционизирования крестьянства, с одной стороны, и выявления националистических стремлений,—с другой. Однако, здесь, в силу большей связанности и влияния рабочих на деревню, так как это промышленные центры, и также потому, что Советская власть успела больше овладеть крестьянством, националисты, даже украинские эс-эры и эс-деки, имеют слабое влияние, почему и борьба крестьянства с немцами и гетманом не носит такого националистического характера, как на Правобережье. С момента свержения Центральной Рады националисты в глазах левобережного крестьянства дискредитировали себя.

Если на правобережной Украине сложилось так, что проводником и выразителем мелко-буржуазного собственничества деревни явился социал-националист, превратившийся после просто в буржуазного националиста, то на Левобережье появился новый выразитель чаяний кулацкой деревни; таким и является махновщина. В настоящее время, после 3-х лет бандитизма, Правобережье остается гнездом

петлюровщины и других видов националистического бандитизма, Левобережье в основной его части укрепилось под сенью анархо-маховского бандитизма.

Ачархисты, не имевшие успеха в России, перебросились на Украину. На почве вначале идейного и политического, достаточно сумбурного, крохоборства, вырастают реальные плоды. Уже в 1918 г., когда только появляется Махно, тогда тоже именовавший себя идейным анархистом, анархические группы „Набата“ на Украине центром внимания своей работы избирают крестьянство, при чем большинство руководителей этих групп—русские неудачники. Лозунги безвластия быстро подхватываются кулаческим элементом деревни и заменяют собой уже негодный лозунг Рады „Самостийна Народна Республіка.“ Левобережный кулак понял, что в лице анархистов он приобретает политическую платформу и реальную силу для борьбы с Советской властью, а сами факты говорят о том, что первый практик анархического учения, Махно, сделался орудием кулаков.

Махно, как это будет видно из дальнейшего, явился наиболее удачным героем кулачества. Необходимо проследить историю карьеры Махно. С весны 1918 г. в селе Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губ., бывший политически-амнистированный анархист, выходец из Гуляй Поля,—Нестор Михайлович Махно, собирает вокруг себя группу до 14 человек, именующих себя также анархистами и беспартийными революционерами; в числе их наиболее видные: Щусь, Каретников, Михалев-Павленко, Белаш, Чернописный, Куриленко и ряд др. Группа эта нападает на немецкий дозор, обезоруживает его, отбирает пулемет и десятка два винтовок. С этого момента Махно начинает партизанскую войну с немцами, гайдамаками и гетманцами.

Надо учесть, что режим, установленный немецким офицерством, гайдамаками, а после гетманом, в его кратковременное царствование, покоился на восстановлении полуразрушенного буржуазно-помещичьего уклада, что выражалось в возвращении земель выгнанным революцией помещикам, и это в первую очередь вызвало революционные настроения в крестьянских массах, в бедняцких и средних его частях, а также восстанавливало и часть наиболее националистического кулачества, стремившегося к тому, чтобы самому стать экономически заменяющим помещиков. Поэтому в первые дни партизанства Махно мы видели в его отрядах крепких украинских кулаков и их сыновей рядом с революционно настроенными крестьянами, бедняками и середняками, у которых усмирительные немецкие экспедиции разорили хозяйства, отобрали земли (а таких были целые села). Несомненно, такая же картина была и на Правобережьи.

И уже тогда, несмотря на кажущуюся революционность Махно и анархистов, его окружавших, и на их фразеологию о народном благополучии, они должны были стать не чем иным, как проводниками крестьянской стихии, наиболее ярко выявляющейся через кулачество. Но временное сочетание интересов резко-противоположных классовых

группировок внутри крестьянства делало незаметным, как самую враждебность мелко-буржуазной стихии, так и те зародыши будущей крестьянско-кулацкой контр-революции, которая потом реально воплотилась в махновском бандитизме.

Таким образом, поддерживаемый озлобленным против немцев крестьянством, Махно совершает ряд удачных набегов на немецкие расположения и на гайдамаков.

Район действий махновских отрядов ограничивается тремя пунктами: Гуляй-Поле, Александровск и Пологи. В этих местах в течение почти 4-х месяцев он ведет непрерывную борьбу с немецкими и гетманскими отрядами, преимущественно путем набегов на мелкие военные расположения, часто останавливает поезда, отбирает военное снаряжение, спускает поезда под откосы, разрушает мосты. Необходимо отметить, что в этот начальный период повстанческой деятельности Махно является только лихим руководителем повстанческого отряда, разросшегося до 400 человек в пехоте и коннице. Этот отряд составил из отдельных мелких отрядов, организованных лицами из первой группы. Почти каждый из произведших первый удачный налет на немцев группировал вокруг себя отряд, с которым производил мелкие набеги. Таким образом, это первоначальное ядро и составило штаб повстанческих отрядов во главе с командующим Махно.

В системе внутреннего управления Махно утвердил себя, как „батько“, а его командиры и приближенные именовались им „сынами“. Очевидно, что такое „титулование“ произошло под влиянием национального поветрия, коим была охвачена не только петлюровская и националистическая часть украинской деревни, но и та, которая пошла за другими, тогда еще „революционными“ группами. И даже явно реакционные приверженцы гетмана, составившиеся из союза „хліборобов“, фабрикантов и купцов Украины, ничего общего не имевших с идеей „самостийности“, в угоду германо-австрийскому империализму перекрашивались из черных цветов в желто-блакитные самостийные цвета. После имя батька закрепилось за Махно не только в армии, но и среди крестьян.

Никаких признаков политической организации и идейной работы, как внутри махновских частей, так и среди окружающих их крестьян, в то время Махно и его штаб не имели. Махно, хотя и именовал себя анархистом, как и многие его приближенные, причислявшие себя также к этому исповеданию, был занят исключительно военно-грабительскими набегами, руководясь мстостью немцам и гайдамакам, зажигая этой мстостью и крестьянство районов своего действия. Так рос и ширился будущий „народный герой“ в течение почти шести месяцев и дальше первоначального района своей родины не распространялся. Последующие события на Украине неминуемо превращают борьбу с германской оккупацией, прикрытой гетманщиной, из мелких повстанческих налетов на отдельные части и отряды во все более организованную и ширящуюся по всему фронту упорную войну революционной части крестьян и рабочих с реакционно-самостийническими насильниками.

Калейдоскопический процесс гражданской войны бешено бегущими волнами сменяет одну картину другой. Центральная Рада, якобы поддерживаемая империалистами Австро-Германии, в сущности получила первый толчок к гибели именно от этой поддержки. Последовавшая затем смена лиц и форм явилась неизбежным логическим следствием всей мимолетной короткой жизни Центральной Рады. Германская революция, а за нею ослабление оккупационного режима на Украине усилили повстанческую борьбу внутри Украины.

Свержение гетманщины и воцарение Директории является кульминационным пунктом господства реакционно-буржуазного и самостийнически-кулацкого режима на Украине. Быстрота процесса, весьма сложная и политическая пестрая обстановка втягивают и Махно, не только, как главаря повстанческих отрядов, но и как человека, имевшего известное политическое мировоззрение. В сентябре—ноябре месяцах Махно приобретает все более определенный политический облик. В это время он завязывает связь с группами анархистов в Москве и Курске, посылает туда своих гонцов. Созданная в это время в Курске конфедерация анархистов в лице своего бюро берет твердую ориентацию на Махно, как на боевую силу, способную, по их убеждению, творить анархическую программу на Украине. При штабе появляются отдельные идейные анархисты. Подпольная организация Екатеринослава также посылает своих представителей в штаб Махно. Крестьянство активно поддерживает повстанцев, помогая им всеми средствами. Поведение махновских повстанцев и его штаба в тот период лица, имевшие непосредственное соприкосновение с ними, освещают таким образом:

«Не было ночи или дня, свободного от работы, когда бы махновские молодцы занимались чем-нибудь иным, кроме пьянства и драк. С первых же дней вольная, пьяная и удалая атмосфера установилась в отряде Махно и его штабе. Все, что грабилось, переводилось на водку и самогонку. После удачных налетов и грабежей махновцы занимались дележом, при чем не обходилось без острых сцен между участниками. Сам Махно не считал это ненормальным, следя за тем, чтобы не трогали крестьян. Крестьяне же, сплошь и рядом получавшие остатки от грабежей, также считали это вполне законным, тем более, что это было отбираемо у немцев и гайдамаков или из поездов, им принадлежавших».

Вот почему, не взирая на такой внутренний порядок во все это время, Махно в глазах крестьянских масс делается народным героем. Показное бескорыстие, простота отношений и неустрасимые набеги все сильнее и сильнее популяризируют Махно и его отряд. Он ставил своей целью создать себе имя народного героя, борющегося за бедноту против насилия помещиков и буржуазии. В этот период нередко случаи, когда Махно отобранное имущество у богатых помещиков и даже кулаков отдавал бедноте.

В это время у Махно уже создались довольно солидные численностью и хорошо вооруженные повстанческие отряды, преимущественно из крестьян.

Наиболее ярким этапом в развитии махновского повстанчества надо считать наступление махновских отрядов совместно с повстанче-

скими советскими отрядами на Екатеринослав. Приводимое здесь описание этого эпизода взято из воспоминаний одного из участников наступления, члена областного комитета коммунистической партии тов. С—ва и, соответственно исправленное, помещается полностью:

26 дек. 1918 г. петлюровскими частями под командой Милашко, (расстрелянного скатеринославской Ч. К. в 1920 г.) был разоружен кайдакский революционный штаб. После этого он предполагал повести наступление на советские отряды, стоявшие по левую сторону Днепра в Нижне-Днепровске. Областком КП(б)У имел общую директиву от Центрального Комитета партии на предмет захвата города. Для наиболее успешной борьбы, если будет необходимо, то войти с этой целью в соглашение с Махно. Ранее установленная областком связь с ним дала возможность вызвать Махно в Нижне-Днепровск. На предварительном заседании областкома, при обсуждении соглашения, часть членов областкома и некоторые рабочие высказались против соглашения, считая Махно простым разбойником и не желая подрывать авторитета советских повстанческих войск, ссылаясь на то, что и рабочие в своей массе смотрят на Махно, как на грабителя. Однако, большинством было решено войти в соглашение. Вечером того же дня прибыл Махно со 100 всадниками и 400 пехотинцами. На соединенном заседании областкома екатеринославского ревкома, командования Махно и наших частей, при обсуждении вопроса о наступлении на город, Махно и часть его командиров колебались, высказывая неуверенность в своих силах. Однако, сообщения из города, что происходящий съезд крестьян, созданный почти со всей губернии, осудил политику Директории, в частности за разгон екатеринославского совета рабочих депутатов, а также предположение, что один из артиллерийских командиров петлюровских войск (Мартыненко—в 1921 г. погибший при крушении поезда политсекции Александр. района) готов перейти на сторону советских повстанческих отрядов, окончательно сломили колебания Махно. 27 декабря утром маховцы и первый Ново-Московский советский полк пошли на наступление. За несколько дней петлюровцы изгнали из города 8-й корпус добровольческой армии, а также разоружили немецкие части. Несколько недель Екатеринослав был подложен на сферы влияния трех военных сил и четвертая,—советский штаб—в пригороде. В план наступления входило: занять мост и вокзал и повести стремительное наступление на почту и штаб противника. Первая часть была выполнена блестяще. Несколько человек, переодевшись в рабочие костюмы, с одними бомбами отбили пулеметы, охранявшие мост. Вокзал был взят после короткой перестрелки. Здесь же были захвачены два орудия. Маховской кавалерии во главе с Шусем не удалось перейти мост. С незначительными потерями она возвратилась обратно. Махно обрадовался захвату орудий и стал руководить их установкой. До этого ему не приходилось иметь в своей «армии» артиллерию. В этот же момент Мартыненко с 16-ю орудиями и со всей прислугой переходит на сторону повстанцев. Сообщение об этом усилило энтузиазм наступающих. Махно сам бьет с одного орудия. Вечером бой стихает. Собирается военный совет. Махно со своими «сынками»; все они одеты в живописные разношерстные костюмы; здесь и черкесская бурка с чекменями, и казацкая папаха, и штатская шуба, и матросская куртка. Это был действительно оригинальный военный совет, каким может быть только совет из повстанцев. Тут же были и левые эс-эры, отряд которых присоединился ночью. Решено было во что бы то ни стало взять город. Но уже ночью начались грабежи маховцами магазинов и домов прилегавших к вокзалу улиц.

Грабежи приняли стихийный характер и не прекращались до утра. За ночь Махно несколько лиц расстрелял, однако, это были случайные жертвы. Своих «сынков» Махно не трогал, хотя и видел, как они преображались, украшая себя награбленным добром. 28 декабря большая часть города была занята. Заседающий ревком с Махно и левыми эс-эрами обсуждают вопрос о власти. Левые эс-эры заключают блок с Махно и каждое место в ревкоме отстаивают с бешеным, при этом похвалявая своих «хлопцев» за их беззаветную удачу. Эс-эры величают Махно «батьком», все время заискивая у него расположения. Многие члены областкома осуждают Махно, жалея о совершившемся соглашении, так как к этому времени махновские грабежи в городе достигли чудовищных размеров, его «хлопцы» вереницами таскали награбленное. Разговоры о конструировании власти выливаются в острые и «гаденкие» формы торговли. Коммунисты готовы отказаться, призывая к революционной совести эс-эров и Махно. Вдруг быстро вбегает б. поручик Тосинский, командир одного из советских отрядов, и лихорадочно ищет места, где бы ему спрятать свою великолепную серебряную шашку; впопыхах сообщая, что наступает противник. Оказывается, в то время, пока происходила постыдная торговля, как снег на голову свалился полковник Самокиш со значительным отрядом. Поднялась паника, пропал петушинный задор Махно. В этот момент минутного столбняка Махно из грозы германских и гетманских солдат превратился в жалкого труса. Он первый бежал из зала заседания, оставив даже своих «сынков», которые не замедлили последовать примеру своего вождя. Оставшиеся эс-эры посылали проклятия своему недавнему другу.

Отряды Самокиша быстро выгнали пьяных махновцев, многие из них погибли при переправе через Днепр. Екатеринослав был отбит. Так закончился первый военный экзамен вождя повстанцев. Необходимо отметить, что Махно был назначен командующим всеми вооруженными силами, наступавшими на Екатеринослав, и ему указывалось, что его обязанность не сидеть в ревкоме, а закрепить положение в городе и установить порядок в частях. После оказалось, что потери махновских отрядов при наступлении были ничтожны, и вся тяжесть вынесена Ново-Московским повстанческим советским полком, состоявшим из здоровых, молодых крестьян того же уезда. Из них осталась в живых ничтожная кучка, которая вместе с остатками штаба, большинство в котором были члены областкома, отступила под огнем отрядов Самокиша.

Через месяц Екатеринослав был занят советскими войсками во главе с т. Дыбенко. Махно же пребывал в своем Гуляй-Поле, куда он стремительно убрался со знаменательного заседания, где этот анархист-безвластник впервые, видимо, хотел осуществить свою программу. Участники передают, что ни одного намека о каких бы то ни было формах безвластия со стороны Махно и его сподвижников не было сказано на этих заседаниях.

Анархисты и левые эс-эры об'единились для того, чтобы крепче взять бразды правления в свои руки. Небезынтересен и тот факт, что в этом наступлении многие из крестьян отрядов Махно не принимали участия, возвратившись обратно в свои деревни. Этот урок используется анархистами для выправления политической линии махновщины. Они решили вложить в нее настоящее и полное содержание, каким и явилась анархическая идеология безвластия.

Рабочие Екатеринослава и окрестностей решительно осуждают Махно и высказывают недовольство соглашением с ним советских отрядов. Областком, подытоживая события наступления, понял, что проиграли наступление на Екатеринослав, исключительно благодаря разнузданности махновской „армии“.

Анархисты начинают усиленно тяготеть к Махно, становясь политически-идейными проводниками анархических лозунгов.

Курская конфедерация снабжает его литературой, посылает к нему людей, при помощи которых при штабе Махно создается культ-просвет, который с этого момента начинает выполнять роль аппарата для проведения политической обработки как повстанцев, так и окружающих крестьянских масс. При помощи анархистов Махно усиленно снабжается оружием, которое вывозится из России, а также пополняются его отряды-рядовыми анархистами, в качестве бойцов.

С момента лево-эс-эровского мятежа в Москве к Махно началась тяга разогнанных лево-эс-эровских элементов. Неудачное начало практического претворения идей анархизма усилило идейную обработку махновцев. Чистые анархисты, взявшие курс на махновщину, должны были во что бы то ни стало исправить ошибку своего генерала и сделать для него обязательной свою программу и гвоздь ее—„безвластие“.

Они создают достаточно сильный аппарат пропаганды и агитации, начинают издавать печатный орган, именуя его органом „революционных повстанцев-махновцев“. Анархическая пресса начинает усиленно популяризировать махновскую армию, как армию, осуществляющую анархические цели; многие, даже „чисто-идейные“, анархисты в статьях употребляют термин „анархо-махновщина“, постепенно узаконивая это определение за махновщией. Пропаганда и агитация анархистов и, главным образом, культотдела Махно усиливается среди крестьянства. Герой вначале, боровшийся с немцами и гайдамаками за народ, против буржуазии, помещиков и насильников, превращается в „борца-вождя“ за безвластные коммуны в форме „вольных советов“.

II.

Работа махновских отрядов по разрушению германского и гетманского тылов, путем набегов, истреблений их отрядов, несомненно, ускорила и облегчила красным войскам победу над гетманщиной. И по мере того, как Красная армия изгоняла гетманские, гайдамацкие отряды с Украины, по мере отступления красных войск, с Махно, с его платформой и лозунгами получается неизбежное превращение. Анархо-махновцы не только влияли на кулачество и часть еще находящегося под обаянием махновского народного героизма крестьянства, как среднего, так и бедноты, но они поставили своей целью вести „идейную“ работу и среди Красной армии, посылая туда своих агентов, в основу своей пропаганды ставя привлечение красноармейцев в махновские отряды.

Установившаяся во второй раз Советская власть должна была закрепиться в городе и направить свое внимание на деревню, так как начавшийся процесс революционизирования деревни еще при гетманщине и Директории надо было ускорить и овладеть уже к тому времени начавшим являться бедняцким революционным слоем деревни. Противоречия, выявлявшиеся все сильнее и сильнее в украинском селе, превращали его буквально в кипящий очаг гражданской борьбы. Влияние социал-шовинистов и украинских соглашателей осталось в селе. Уходя под напором красных войск, петлюровцы оставляли там своих агентов; работали и бывшие сторонники Скропадского, взявшие верный курс на русских генералов и белогвардейцев. К этому всему прибавлялась тлетворная деятельность социал-предательских партий в городе: все это, вместе взятое, требовало от коммунистической партии и Советской власти решительного и твердого курса политики в отношении всего, что разлагает, подрывает и тормозит строительство. За время торжества реакции на Украине,—в России развивалась и крепла Красная армия, превратившись из малочисленных, недисциплинированных и необученных революционных красногвардейских отрядов в настоящую, спаянную дисциплиной, с достаточно мощным аппаратом, военную организацию. Анархо-махновцы, не признающие военной организации, подчиненности и соответствующей дисциплины, естественно, пытались проповедывать среди красноармейцев свои принципы вольности, выборности командного состава и методов повстанческой борьбы с врагами.

В этом им не мало способствовали и левые эс-эры, стоявшие тоже за вольность и выборность в армии. Красное военное командование и Советская власть не могли допускать разлагающей деятельности анархических групп и культотдела махновцев, так как были вполне очевидные основания считать, что, благодаря этой агитации, наименее сознательные группы лиц из Красной армии переходили к Махно. Особенно это было заметно среди матросов.

Оформившаяся вполне политически—идейно армия Махно начинает выдвигать свою безвластную программу, как боевую задачу. Анархисты из культпросвета уже не ограничиваются пассивной дискуссией с большевиками о вреде всякой, в том числе и Советской, власти, а начинают активно бороться, как с „насильниками“, „диктаторами“, захватившими власть. Других врагов, кроме большевиков, нет в это время у махновцев. Другого объекта для борьбы кроме Советской власти, у них нет, несмотря на то, что Красная армия продолжала борьбу с деникинскими войсками с юго-востока и войсками Директории с запада.

Закрепившись в своей „анархической республике“—Гуляй-Поле, сам Махно со своими частями почти не выходит за ее пределы, изредка учиняя набеги на поезда, перехватывая уголь, обмундирование. Единомышленники его ведут агитационно-пропагандистскую работу среди крестьянства не только гуляй-польского района, но и по всей губернии. Преследования коммунистов в то время носили случайный харак-

тер, и это еще не вошло в программу действий Махно. Уничтожение ЧК и чекистов, недопущение продразверстки, борьба с комбедами—это являлось как бы программным началом того времени. У себя они создали „вольный всенародный совет“, заправлявшийся кулаками, охотно подчинившимися анархической идеологии. Простая бесхитростная программа анархо-махновцев: против комбедов, продразверстки, за безвластные вольные советы, дающие представительство всему трудовому крестьянству, а следовательно и кулакам—делает Махно все более близким сердцу крепких мужичков всей Екатеринославской и даже Харьковской губерний. (Александровская была тоже еще частью Екатеринославской). К нему в отряды шли кулаки, снабжая его всем необходимым. С другой стороны, внутренняя разнузданность, неограниченная возможность жить легкой жизнью, привлекали всякие авантюристические и босяцкие элементы в лоно гуляй-польской республики. Нетрудно было проникать в махновские части и даже приобщаться к командованию и агентам Деникина. Такие случаи имели место.

Такой стала анархо-махновия к моменту наступления Деникина на Донбас. Составные части ее—это конгломерат кулачества со всякого рода отбросами, уголовными преступниками, искателями приключений, а политическая сущность—протест мелкой буржуазии против социалистической революции. В городе эта мелко-буржуазность выявлялась в бессвязном нудном лепете меньшевиков и иже с ними, в деревне на Левобережьи она нашла себе более реальное выявление в анархо-махновщине, на Правобережьи она выразилась в петлюровско-эс-эровском бандитизме.

III.

Так Махно меняет свой фронт, направляя свою враждебность в отношении Красной армии, Советской власти и их руководителей—большевиков. Голоса о безвластии, о борьбе с партийностью и за вольные советы начинают раздаваться усиленное и чаще и подкрепляются: „Бей большевиков, комиссаров и жидов“. Идейные вожди—анархисты, заседавшие в штабе махновской армии, всевозможными средствами ведут политическую обработку сознания крестьянских масс в этом направлении. Издаваемые в то время ими газеты „Набат“, „Путь к свободе“, „Повстанец“ и другие полны злобными выкриками и огульными обвинениями, и только изредка можно видеть на страницах анархической прессы попытки квалифицированных анархистов, вроде Волина, духовного отца Махно, дать идейное обоснование враждебности к Советской власти и коммунистической партии. Но уже в этот момент замечаются среди анархистов головы, которые не вскружились целиком атаманщиной, удалством и пьяной бесшабашностью, (к чему уже успел привыкнуть, как сам Махно, так и его боевой штаб и маленькие махновцы) и начинают с опаской поговаривать о чересчур крутой ориентации анархистов на махновщину. Однако, такие рассуждения заглохли, не дав никаких результатов, так как Махно уже

упрочил себя не только в глазах кулачества, босяцкой части, примкнувших к нему отбросов буржуазной городской общественности, но и среди идейных анархистов, как неустрашимый „батько“-вождь в борьбе за безвластие. Сам же Махно в это время успел свыкнуться со своим назначением быть вождем.

В пьяном угаре набегов, расстрелов уже не только гетманцев, а коммунистов и красноармейцев, Махно озлобляется и делается руководителем крупных банд. К этому времени Украина покрывается сетью мелких и крупных банд, которые под различными лозунгами, одни—национального освобождения, другие—борьбы за раду, третьи—за гетмана, ставят себе одну и ту же задачу: свержение Советской власти. Махно в этой цепи и тогда был самым крупным звеном.

Если в самом анархо-махновском штабе и среди анархо-руководителей махновских банд еще крепко было настроение борьбы за создание царства безвластных коммун, часто переплетавшееся с различными противоречивыми лево-эс-эровскими лозунгами, которые, как известно, власти не отрицали, а выдвигали вместо пролетарской диктатуры и диктатуру рабочих и крестьян, не рассматривая последних, как силу внутри противоречивую интересам одних групп другим, то в махновской периферии среди сильно к тому времени расплодившихся отрядиков Махно, это настроение преломляется в разнузданную, бунтарскую разоряющую стихию. На нее то, несмотря ни на что, и опирался анархизм из группы „Набат“.

Всю Украину в этот период можно было назвать переживающей какую-то стихийную разнузданность. Мелко-буржуазная, кулацкая оппозиция, выражавшаяся в явной открытой и скрытой борьбе с Советской властью и всеми ее институтами, все усиливалась!

Лозунги „долой чрезвычайки, комиссаров и жидов“ перебрасывались от края до края.

В мае месяце Советская власть переживает один из острых периодов кулацкой атаманщины. В юго-западной части Киевской губернии появляется одновременно несколько банд.

Банда Соколовского три раза ходила на Радомысль, вырезая регулярно оставшихся там коммунистов и устраивая еврейские погромы.

Зеленый организовал восстание в районе Триполья. Советская власть принуждена была отправить против него около 6.000 пехоты и кавалерии, среди которых была часть курсантов, чтобы освободить от этого бандита Киевскую губернию. Оттуда Зеленый направляется в Умань и соединяется с петлюровскими частями. По дороге он устраивает ряд погромов.

В Черниговской губернии оперировала банда Ангела, распространявшая свои действия на часть Полтавской губ. (Прилукский уезд).

Положение осложняется григорьевским восстанием в Херсонщине. Небезынтересно привести некоторые факты, сопровождавшие это восстание.

Григорьев выступает на политическую арену во время Директории, которую он и организованные им отряды (еще во время разложения

немецких частей на Украине), признали как власть. В феврале 1919 г., когда петлюровщина уже потерпела поражение, Григорьев перешел на сторону советских войск.

Награбив много добра при взятии Одессы, Григорьев со своими отрядами отправился в Елисаветградский уезд, где предался грабежам, избиениям коммунистов, согрудников ЧК и еврейским погромам. До этого времени советское командование питало еще доверие к Григорьеву. В мае месяце Григорьев должен был выступить на бессарабский фронт, но он направился на Користовку, Пятихатки и Екатеринослав. Подготовив, расставив свои части на исходных позициях, он выпустил свой „Универсал“, в котором объявил Советское правительство низвергнутым, себя же провозгласил главою временного украинского правительства. Отряды его тогда состояли из 16.000 штыков при 60 орудиях с 10-ю бронепоездами, имели 14 миллионов патронов и около 150.000 снарядов.

В то время, когда Григорьев поднимал восстание в Елисаветградском уезде, в Умань вошли банды боротьбиста Щегрина и эс-эра Клименко. Липовец был занят бандой Магомета, Брацлав—бандой Волинца, Тульчин—кулацким отрядом. Вокруг Таращи, южнее Фастова и Бердичева, появляются мелкие банды. Советские отряды принуждены были отступать перед этой волной вооруженных бандитов.

Григорьеву удалось занять Кременчуг, Кобеляки, части его двигались на Полтаву. На юге он дошел до Екатеринослава, севернее занял Чигирин, Бобринскую, Черкассы, а за Днепром—Золотоношу. По пути на Киев им были заняты Корсунь, Мироновка, и он уже приближался к южной границе Киевского уезда. В Черкассах к нему перешел местный советский гарнизон.

В Николаевском направлении им была занята станция Помощная, где к нему перешел советский полк под командой Попова. В течение 15-ти дней Григорьев вел борьбу, и только напряжением всех военных советских и партийных коммунистических сил была ликвидирована авантюра Григорьева.

Чем иным, как не вооруженным стремлением мелко-буржуазной стихии, можно назвать этот бунт? И это больше всего определяется настроением, в каком находились во время григорьевщины и в первые дни после нее социал-соглашатели и анархисты. На первом же заседании екатеринославского совета рабочих депутатов от имени меньшевистской фракции выступавший Худокормов, „анализируя“ григорьевщину, заявил, между прочим: „Во первых, нужно установить единый социалистический фронт со всей революционной демократией города и деревни“. И дальше: „Упразднение ЧК и комбедов поможет только наладить полный и тесный контакт с крестьянством, так как крестьяне в поисках этих истин идут за авантюристом Григорьевым“. Выступавший на этом же собрании анархист (не махновец) Рыбин неистово требовал „замены лозунга диктатуры пролетариата—лозунгом диктатуры всего трудового народа“, указывая, что григорьевщина есть наиболее сильное предостережение для коммунистической партии. Эти выступ-

ления ярко свидетельствуют, что идеологи мелкой буржуазии поспешили передать в своих политических платформах то, что было на языке кулачества и григорьевских банд, когда они уничтожали ЧК избивали коммунистов и учиняли погромы.

В партийном органе „Звезда“ и на выступлениях в совете коммунисты указывали, что между ними, т. е., меньшевиками и анархистами и Григорьевым разница одна: он и его банды выступали вооруженные пушками и пулеметами, они же—со своими нудными, достаточно надоевшими формулами; цель же, влекущая их, одна: торжество мелкобуржуазного кулачества, а за ним и буржуазно-помещичьего режима.

Мало этого, григорьевщина навела мелко буржуазный сап не только на меньшевиков и анархистов,—в них она его только усилила,—были и коммунисты, поддавшиеся такому настроению. В екатерининской „Звезде“ № 54 от 22 мая И. Санович пишет:

«Теперь мы можем, мы должны подвести некоторые итоги тех сторон советского строительства в организационном отношении, которые выявились в процессе борьбы с григорьевщиной. Наши комиссии далеки от совершенства и идеала. Много в них есть ненужного, лишнего, вредного и бесполезного. Некоторые методы работы чрезвычайных комиссий не выдерживают критики с точки зрения революционного правосознания и социализма.

Их компетенция почти всеобъемлюща. Их права необычайно широки, чуть ли не до бесконечности.

Для чего существуют у нас революционные трибуналы, как военные, так и гражданские? Ясное дело: для того, чтобы судить граждан республики, совершивших определенные преступления. Почему же тогда чрезвычайки имеют право вне-судебной расправы?

Мы понимаем—во время осадного положения, в момент чрезвычайного положения еще допустимо установление меры наказания без суда. Но в обыкновенных условиях это совершенно излишне, а тем более вредно для дела революционного правосудия.

Комиссии нужно реорганизовать, превратить в подсобные органы ревтрибуналов, отняв у них возможность внесудебной расправы.

Наконец, съездам еще придется обещать нашу аграрно-крестьянскую политику.

Речь идет о живой практической работе, об отдельных конкретных мероприятиях, о внесении в деревню мощной революционной психики, здоровой социалистической струи. Как это сделать, как организовать деревню, как лучше спаять крестьян с рабочими,—вот о чем нужно потолковать и подумать.

Основным и руководящим положением в данном случае должна быть линия наименьшего сопротивления и наибольшей близости к живым нуждам крестьянства».

Кронштадтское восстание в марте 1921 г. является другим типом григорьевщины с теми же лозунгами и требованиями. Что кронштадтчина есть действительное проявление мелкобуржуазной стихии, об этом мы поговорим потом.

Как видно, и здесь много сходного с кронштадтчиной, где также некоторые коммунисты пошли по течению. Рассуждения же т. Сановича в то время вызвали одобрения меньшевиков.

Поведение Махно было выжидательное. Первые дни он молчал, не высказывая своего отношения к выступлению Григорьева. Екагеринославский совет обороны запросил Махно насчет его отношения к Григорьеву, так как среди красноармейцев сильно муссировались слухи, что Махно будет поддерживать Григорьева. Прибывший представитель Махно, анархист (Кохов, под кличкой Горев, позднее ушедший от Махно) стал требовать пропуска через наш фронт для выяснения причин восстания. Совет обороны отказал в официальной помощи, однако, обещал не препятствовать этому, если махновцы найдут способы перебраться. Представители Махно переговоры вели с григорьевским командованием, и только через 3—4 дня Махно присылает телеграмму с осуждением Григорьева. В это время был уже заметный перелом в сторону ликвидации авантюры. Несмотря на то, что махновцы своего отрицательного отношения к Григорьеву ничем активно не проявили и даже после разгрома оказали приют многим из мятежников, анархисты из махновщины лживо уверяли, что они разбили григорьевщину.

„Большевики со своей „твердой властью“, со своим государственным аппаратом, со своей «дисциплинированной» армией,—оказались не в силах ни смять григорьевщину, ни противостоять деникинской реакции, которая докатилась почти до стен Москвы. Махно и его армия уничтожили григорьевщину»...

Так пишет Волин в „Пути к свободе“ от 21 ноября 1919 г.

IV.

В таком положении застаёт махновщину наступление добровольческой армии Деникина на Мариуполь из Таганрога, весной 1919 г. Еще перед мятежом Григорьева т. Каменев, проезжавший по Украине, был у Махно и вел переговоры о привлечении Махно к совместной с Красной армией борьбе с Деникиным. Тогда эти переговоры не дали реальных результатов. Однако, через некоторое время анархисты дают соответствующие директивы Махно, предлагая ему бороться против Деникина, совместно с Красной армией, и временно примириться с Советской властью. Огряды Махно сводятся в отдельную бригаду, он назначается ее командиром, подчиненным советскому военному командованию. В течение нескольких недель он держит фронт против белых. Установлено, что и тогда маховские молодчики не прекращали преследования коммунистов и красных командиров. Коммунист Антонов и политком Медведев, командовавшие „Ленинской“ бригадой, были ночью предательски увезены, и их трупы вместе с другими были найдены в селе Токмаковке прибывшими красными войсками. Это произошло через несколько часов после переговоров Махно с Дыбенко о порядке наступления на белых. В тылу своего расположения махновцы терпят Советскую власть, но преследуют Ч. К. В Бердянске, напр., Махно арестовывает и отправляет на передовые позиции весь состав Ч. К., их преемники после трех-четырех недель нелегального существования вынуждены были скрыться после попытки Махно их арестовать.

Повстанческие отряды, привыкшие к вольнице, неохотно исполняют боевые приказы. Сам Махно также не проявляет необходимой активности. На фронтах же положение становится смертельно опасным, в штабах Красной армии имеют место предательства, все это венчается отводом Махно своих частей. Это был подлинный предательский удар в спину Красной армии. Некоторые красные части, ими спровоцированные, снялись вслед за махновцами. Наш фронт дрогнул. Этому предшествовало следующее обстоятельство.

На 6-е июня 1919 г. Махно назначил с'езд крестьян и рабочих Александровского, Мелитопольского, Бердянского и Мариупольского уездов и всех желающих. С'езд должен был идти под флагом левых социалистических революционеров и анархистов. Тогда же среди них были намерения отделить эти районы от Советской Украины и объединить в республику — „Безвластную Махновью“. На фронте же положение с каждым днем обострялось. Деникинская армия не выпускала инициативы наступления, нужно было энергичное напряжение по всему фронту, чтобы начать контр-наступление и исправить уже серьезно пошатнувшееся наше положение, особенно в восточной части.

Созыв с'езда почти перед линией фронта, отвлечение на него внимания частей махновской бригады и разлагающая работа, которую вели „идейные“ коллеги Махно, подготавливая с'езд, когда их агитация была направлена против советов и большевиков, все это не могло быть долго терпимым в боевом положении, и поэтому приказом т. Троцкого с'езд запрещается.

Ярким доказательством возмутительного поведения Махно служит след. выдержка из воззваний анархистов в то время:

...«Товарищи, взгляните сами, что творят чрезвычайки и карательные отряды в Великороссии и в особенности на Украине». И кто же им помогает? Вы, красноармейцы.

Пусть сами крестьяне устраивают свою жизнь, как они хотят, а вы продолжайте уничтожать деникинскую свору, а вместе с ней властелина-комиссара. Не уходите с фронта, продолжайте борьбу с золотопогонниками, уничтожайте ваших комиссаров.

В ответ на запрещение с'езда Махно открывает фронт Деникину путем отвода своих отрядов. Сам Махно объясняет этот факт сдачей своих полномочий командиру 2-й и 3-й заднепровских бригад, какие он получил до этого, представителю советского командования.

С этого момента начинается сильное и окончательное ожесточение анархо-махновцев против Советской власти. Высшее военное командование РСФСР приказом т. Троцкого объявляет Махно вне закона. Он же со своими отрядами пробирается на Токмаковку, оттуда через Знаменку уходит в Черный Лес. Здесь он находится в течение пяти месяцев, до момента занятия Деникиным Украины, производя налеты на поезда, взрывая мосты, устраивая бесчисленные крушения поездов. Один поезд с ответственными работниками Ек. ж. д. был разбит махновцами, при чем погибло 7 человек ответственных коммунистов.

Ожесточеннее проявляется преследование комиссаров и имевших к ним близкое отношение в то время, когда Махно находился под руководством красного командования. Советское командование, видя непримиримость и разрушительную работу батьковских отрядов, поставило своей целью преследование и уничтожение отрядов Махно, которые, избегая преследования и перебрасываясь из деревни в деревню, естественно, все более и более разлагались.

В этот период Махно уходит из под идейного влияния „чистых анархистов“, которые ставят своей задачей агитацию среди крестьян и как будто бы несколько отмежевываются от боевой жизни повстанчества. Пополнение батьковских отрядов исключительно идет за счет кулацких элементов, снабжающих Махно лошадьми, продовольствием и пополняющих его банды людским составом, а также усиливается тяга к нему городских темных элементов, хулиганов, уголовных преступников, которые объявляют себя сторонниками безвластия и вольных советов, что вполне достаточно, чтобы быть принятым в махновскую армию. Продолжавшаяся борьба с добровольческой армией сделала невозможным для Советской власти уделять достаточное внимание делу ликвидации махновщины, чем и объясняется ее рост и укрепление.

Белогвардейцы хорошо поняли роль, которую выполнял Махно в отношении Советской власти и в целях использования его посылали к нему своих агентов. Несомненно, что не малую роль в отводе махновских частей и в разложении сыграли деникинские агенты. В его штабе с этого времени появляются офицеры, из них один, Богданов, бывший начальник штаба одного из полков, был позже расстрелян самим Махно за грабежи и разбои, им учиняемые. Присутствие белогвардейских офицеров в командном составе повстанцев было и позже. Уже в 1921 г. после ликвидации белогвардейской подпольной организации: „Комитета спасения и возрождения России“, членами его были между прочими и начальник артиллерии Махно Сыпливый-Николаенко, и инспектор той же артиллерии Шеровский-Гаевский. Оба эти махновца служили связующим звеном с врангелевским офицерством и войсками.

Махновское партизанчество и его деятельность.

Жизнь и „подвиги“ махновской вольницы.

Вначале основным принципом формирования отрядов Махно было добровольчество. В отряды идут анархисты, анархистствующие элементы, в большинстве случаев те члены различных анархических групп, которые вошли в них еще тогда, когда ареной идейной работы для анархистов был город, и они пытались укрепить свое влияние среди рабочих фабрик и заводов; часто молодые, малосознательные рабочие увлекались их фразерством и шли к ним. После того, как главари перенесли свое внимание на деревню, рядовые члены их групп пошли в отряды Махно. Благодаря гибкости партизанских отрядов, отсутствию контроля, организации и дисциплины, вскоре отряды со всех сторон пополняются разнородным элементом. Сюда пошли и советские служащие, укрывающиеся от суда и наказания, оставшиеся мелкие агенты гетмана и всякий сброд, ищущий возможности буйно и широко пожить. Не малый процент пополнений нужно отнести за счет дезертиров, бежавших из Красной армии, или не желавших туда идти; особенно это происходит во время ухода Махно с фронта, а равно в период григорьевщины.

После первого занятия Екатеринослава освобожденные из тюрьмы по приказанию Махно все ее обитатели, главным образом, уголовные преступники, идут поголовно в отряды Махно. То же самое происходит в Александровске и в Ново-Московске, всюду тюрьмы разрушались, и находившиеся в них шли к их избавителю—Махно.

Однако, после разрыва с советским командованием, Махно пытается провести первую принудительную мобилизацию. Объявляет он ее в Гуляй-Польском, Александровском и др. уездах. Сведения говорят, что эта мобилизация проходит неудачно, т. к. крестьянство настаивается, переставая верить во всемогущество Махно, и только кулаки идут охотно навстречу, вливаясь в армию Махно нередко с готовым снаряжением, с запасами продовольствия и лошадьми. Как устанавливают факты, зажиточные кулаки посылают своих сыновей даже против их желания, объясняя это тем, что „махновцы—наши спасители“.

В „Пути к свободе“ за 1919 г., до вторичного занятия Махно Екатеринослава, помещен ряд резолюций, вынесенных группами крестьян, где говорится:

„Только батько Махно и его армия могут установить настоящую справедливую жизнь и уничтожить всех врагов крестьян; по этому все честные селяне должны идти в армию Махно, посылать сыновей, оказывать помощь продовольствием, лошадьми и всем, что потребно храбрым повстанцам“.

Несомненно, что в большинстве, в наиболее благоприятные для операций Махно периоды, его армия составляется из крестьянства. Нельзя утверждать, что армия состояла исключительно из кулачества, есть часть и самой доподлинной бедноты, нередки случаи ухода целыми группами комбедчиков. В Запорожской губернии, в деревне Кушун, кавалерийский отряд из комнезамов в количестве 30-ти сабель с 50-ю лошадьми ушел в банду. И это понятно: Махно, как и другие атаманы, понимал, что восстановить против себя бедноту деревни, значит—ухудшить свое положение. И махновский штаб в своих обращениях к крестьянам не раз взывает к бедноте, уверяя, что он борется за ее интересы; то же можно видеть из прокламаций бандитов Правобережья: Струка, Соколовского, Зеленого. В то же время это нисколько не противоречит тому, что махновские отряды находили себе поддержку, главным образом, со стороны кулачества. И если принять во внимание, что украинский крестьянин глубоко сидит в мелко-буржуазной трясине, то вполне понятно такое сочетание состава отрядов Махно.

Состав армии все время колеблется: при удачных набегах и операциях он возрастает с неимоверной быстротой, а при поражениях быстро уменьшается.

В 1918 г. при наступлении на Екатеринослав Махно имеет до 500 чел. в своих отрядах всех видов вооружения, без кавалерии. С уходом в Гуляй-Поле его армия сокращается до 200 чел. Во время борьбы с Деникиным отряды Махно достигают до 3000 чел. с артиллерией в количестве 5 пушек. При вторичном наступлении на Екатеринослав в ноябре 1919 года он имеет до семи тысяч повстанцев с артиллерией.

Кавалерия и пулеметные команды держатся более постоянно, чем пехота. Последняя исключительно зависит от обстоятельств. При достаточном количестве людей командование Махно строит организацию армии по принципу регулярности. Так было в течение его борьбы с Деникиным и Врангелем. В армии полки, команды, бригады, которые называются группами, и при каждой боевой единице, образуется самостоятельный штаб. Вся армия возглавляется реввоенсоветом, созданным в 1919 г., который назначает командиров. Реввоенсовет в большинстве назначается самим Махно. Приводимые данные о численности отрядов Махно в 1921 г. говорят за то, что они почти не теряют своего основного ядра.

В апреле месяце 1921 г. Махно совершает налет на Ново-Николаевку, Александровской губ., с отрядом в 150 чел. при 8-ми тачанках, в отряде 50 конных.

В мае: банда Махно в 300 сабель заняла станцию Вербовую.

В июне: отряд под командою Махно насчитывает 150 ч. при 15 пулеметах.

В другом направлении действуют отряды: под командою Куриленко (выделенный из махновского отряда) в 30 сабель и другой в 350 кавалеристов с большим обозом.

16, 17, 18 и 22 июня Махно движется в направлении Полтавы, переходит в Новомосковский уезд, все время принимает бои с красными частями, численностью в 300 сабель, 100 штыков и несколько пулеметов.

24 июня до 300 сабель при 70 тачанках.

Июль: все время численность колеблется до 600 сабель при 150 тачанках.

Указанный период является наиболее острым для Махно. Советское командование ставит себе целью загнать махновские банды, уничтожить и рассеять его отряды.

В течение 4-х мес. Махно передвигается, проходя губернии: Донецкую, Харьковскую, Полтавскую, Александровскую и Екатеринославскую и один раз вступая даже в Воронежскую губ.

Несомненно, что сводка преувеличивает успехи махновцев, но она характерна в определении их быстроты продвижения. Привожу данные по оперативным сводкам штаба Махно (Вольный Повстанец № 44-й).

С 20 мая по 10 июля 1920 г., делая рейд с гуляй-польского района в Харьковскую и Полтавскую губернию, проходили в боевом порядке следующие села и пути жел. дор.: Елизаветовку, с. Селидовку, переезд линии жел. дор. 2-й Екатерин. у ст. Желтая—Гришино, с. Гродовку, с. Николаевку, с. Михайловку, с. Александровку, переезд Южн. жел. дор. северней у Павлограда, у ст. Самойловка, с. Ханделевка, с. Знаменка, что в 15-ти верстах восточнее города Новомосковска, с. Михайловка, переезд Южной жел. дор.—южней г. Павлограда на ст. Зайцево, с. Александровка, переезд 2-й Екат. ж. д. у ст. Гайчур и м. Гуляй-Поле. Итого расстояния 1200 верст.

С 10 июля решено сделать другой рейд, который прошел следующими селами и городами Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерний: Гуляй-Поле, село В. Янисоль, с. Екатериновка, с. Марьевка, переезд 2-й Екатерин. жел. дор. у ст. Кухаровка, с. Голицыновка, переезд 2-й Екатерин. жел. дор. у с. Очеретино, с. Николаевка, с. Михайловка, переезд линии ж. д. в 18-ти верстах западнее гор. Славянска у ст. Шидловка, с. Доменькое, гор. Изюм, с. Протопоповка, с. Михайловка, переезд Южной ж. д. у ст. Беляевка, с. Преображенская, с. Староверовка, с. Марьевка, переезд линии ж. д. у ст. Карловка, с. Михайловка, мест. Нехвороща, м. Царичанка, по берегу Днепра с. Орлик, Кишанка, Переволочное и с. Солошино и северней Днепра с. Кобылячек; переезд линии ж. д. у ст. Потоки, что в 20-ти верстах восточнее Кременчуга, м. Манжалея, м. Белоцерковка, переезд линии ж. д. у ст. Ерески, м. Шишаки, с. Дейкаловка и г. Зеньков. Итого расстояния—1520 в.

За все время рейсов и пребывания в Екатеринославской губ. от 20 мая до 9 августа 20 года нами в бою взяты целиком в плен следующие красные части: 1) 323-й батальон, 2) эскадрон 6-го Кав. полка червонного казачества, 3) 522-й стрелковый пехотный полк,

4) 1-й ударный батальон, 5) 429-й батальон Вохра, 6) 430-й батальон Вохра, 7) батальон 7-го трудполка с полковым обозом, 8) маневренный отряд тыла 14-й армии, 9) запасный батальон 14-й армии и много других мелких частей. Итого—13400 человек.

В бою нами разбиты следующие части красных: 1) 3-й латышский зап. бат., 2) 233-й батальон Вохра, 3) Чаплинская группа, 4) 520-й стрелковый пехотн. полк, 5) 521-й пехотный полк, 6) 5-й, 6-й, 8-й отряды, 7) запасный батальон Изюмского гарнизона, 8) 173 орловский батальон и много других красных частей. Итого 26000—30000 штыков.

В бою с нами красные потеряли убитыми до 2000 чел., большинство из них большевики-коммунисты и комсостав. В бою нами взято 5 орудий—2300 штук снарядов, 93 пулемета, 2 миллиона четырехста тысяч патронов, 3600 винтовок, 25000 комплектов шаровар и шинелей, 25000 комплектов белья, обсыз 46-й дивизии, парк 3-го артиллерийского дивизиона, лазарет 13-й армии и много другой военной добычи.

При переходе линии жел. дор. разрушали как мосты, так и линии жел. дор.

Был взят один аэроплан и пароход «Надежда», которые были сожжены. При переходе через линию жел. д. всегда имели бой с бронепоездами, из которых 2 бронепоезда подбиты нашей артиллерией.

Сплошь и рядом махновские отряды делятся на мелкие наиболее подвижные боевые единицы под командою сподвижников Махно. Необходимо отметить, что при переходе или длительной остановке Махно в районе, где его популярность наиболее сильна, численность его отрядов растет неимоверно быстро. В моменты, когда Махно попадает в положение затравленного, и единственное его спасение—исчезнуть, распустив свой отряд,—он делает это так же молниеносно. В 1919 г. он был зажат красными частями в Павлоградском уезде; была уверенность, что он будет захвачен со всем штабом, однако, он сумел при помощи окрестных крестьян рассеяться. Махновцы превратились в крестьян, деревня вобрала их в себя, сам же Махно с несколькими приближенными скрывался, и только через 2 недели он вновь с отрядом появляется в том же уезде. В феврале 1920 г., когда Махно предпринимает ряд стремительных налетов на отдельные районы, разрушая советский аппарат, преследуя советских работников на юге Екатеринославской губернии, в части Александровской, Донецкой, его армия значительно выросла: она разбита на 3 полка, первый под командой Очарко, 2-й—Кахонина, 3-й—Клейн. Каждый полк разбит на роты с 80—100 чел. численностью; 2 полка кавалерии, под командой Щуся, из них один отряд для охраны Махно—„Батьковская черная сотня“, хорошо вооруженный и обмундированный отдельный пулеметный полк и артиллерийская часть; у каждого полка свое знамя. Имеется обоз, в нем походный лазарет на 80—100 тачанок (санитарных) с достаточным количеством медикаментов. В оперативном штабе много офицеров. При штабе культурно-просветительный отряд революционной повстанческой армии украинцев (махновцев), который ведет агитационную работу, выпускает листовки, воззвания, газету. В этом

отделе работают интеллигенты—анархисты, между ними подвизается бывший левый эс-эр Попов, заменивший Волина, тогда уже арестованного. Были примкнувшие к Махно учителя, имелся один врач.

С такой организацией Махно предпринимает рейд в губерниях Екатеринославской, Донецкой, Херсонской, Полтавской, части почти одновременно двигаются по этим губерниям, проходя по деревням, где крестьяне оказывают им недурной прием; вот что сообщает махновская сводка:

«Когда Махно подходил к Ново-Николаевке (у ст. Чаплино), крестьяне встретили его с хлебом и солью. В деревне Верхне-Ленной (Константиноградского уезда) крестьяне выдали Махно спрятавшихся красноармейцев. При переходе через участок ж. д. Сватово-Кабанье (у Старобельска) жители деревни Ново-Александровка деятельно помогали разбирать махновцам железн. дор. путь и т. д. Факты поддержки Махно можно считать сотнями».

Такую же картину рисует дневник жены Махно, сельской учительницы Гаенко, захваченный во время боев, где Гаенко была убита:

«Мы были еще в постели, как какой-то хлопчик принес нам поесть. Характерно: все хуторяне едят постное; нам же, зная, что мы едим скоромное, какая-то хозяйка напекла скоромных блинов и наварила крошечки. Только-что мы сели закусывать, как какая-то молодича принесла нам свежих бубликов. Через полчаса какая-то девушка принесла миску сметаны».

Культурно-просветительная работа весьма разнообразна. Во время стоянок частей устраиваются митинги, спектакли, читаются лекции и т. д., хотя рядом с этим махновские культуртрегеры забавляют Махно и его свиту и менее культурными средствами. Вот что пишет один корреспондент рабочий по этому поводу:

«22 ноября на станции Пологи, Екат. ж. д., у здания «Народного дома» красовался плакат с надписью о том, что культпросветом пехотного полка повстанцев Украины (махновцев) будет дан спектакль в пользу раненых повстанцев, на котором будет представлен «Запорожец за Дунаем», «Бувалящина» и дивертисмент, а также устроен «американский аукцион».

Вечером в зрительном зале дым стоял коромыслом. Не успел опуститься занавес, как вдруг раздался оглушительный крик: «давайте свет, давайте дорогу». Все зрители в недоумении и в испуге привстали с мест, смотря на входную дверь. По залу пронесся шопот: «Батько идет»; музыка вдруг заиграла «яблочко», и появился Махно на костылях, а за ним его свита с ручными пулеметами и револьверами в руках. После первого акта один работник указанного «культпросвета» открыл аукцион: продавались простой женский платок и фунт конфет. Деньги собирали махновские дамы, которые визжали на всю залу. Затем на сцене появился один из свиты Махно с бутылкой водки в руках и со словами: «продается чистая николаевская», стал выкликать цены.

Начиная с марта месяца, красные части усиленно преследуют махновские отряды. Примерно в это же время, учитывая обстановку, Махно издает следующий приказ:

«В данное время при известных боевых операциях Красной армии наша революционная повстанческая армия Украины (Махно) для сохранения живой силы, кроме отдельных самостоятельных

командиров т.т. Кожу, Лысенко и Заблудько, не считая групп, которые находились в революционной повстанческой армии Махно при штабе армии, распускаются. Общая задача боевых групп: 1) разрушать тыл Красной армии и ее институты насилия и произвола, 2) разрушать линии жел. дор. во время летнего сезона, 3) разоружать красные части, при чем хорошее оружие в удобных местах должно быть сохранено, 4) стараться увеличить число бойцов в группах и их боеспособность, 5) ни в коем случае не допускать в отряды лиц, способствующих бандитизму, которые подрывают авторитет махновцев, 6) стараться сохранить сильные группы до известного времени, 7) каждый командир ответственен за вверенную ему группу.

Командир—батько Махно, начштаба Белаш.

Такую перегруппировку Махно производит весьма часто. В июне он дает новый приказ, которым части Махно сводятся в две группы: командиры также сменяются, получая или повышение или понижение. Так, старые сподвижники Махно, Петренко и Щусь, в течение 3-х месяцев были не раз сменяемы и вновь восстанавливались в своих старых амплуа и чинах. Этим же приказом Махно устанавливает формы регулярности в своих частях. 2 группы разделены на сотни и взводы, последние объединяются в полки, во главе обоих групп командиры—Махно и его заместители: Куриленко, Петренко, Щусь и Тарновский, имеется и адъютант оперативной части Кудрявцев. Пулеметные команды сведены в отдельный полк; в ведении штаба армии находится следственная комиссия и связь; командиры частей должны выполнять все приказания, предписания, изданные Махно и его штабом. Объявляется суровая военная дисциплина, за нарушение которой приказы Махно грозят расстрелом. Вся хваленая анархо-эс-эровская выборность комсостава свелась фактически к выборности комсоставом штаба армии, который от себя назначает начальников и командиров всех частей и групп. Другая форма махновской „демократии“ также упраздняется; товарищеские суды приказом Махно упразднены. Карательная власть переходит к начальникам.

Обычно пополняются и быстро обростают махновские отряды в районах, в то же время являющихся и наиболее коренными и сочувствующими махновии. Екатеринославская губерния в части Новомосковского, Павлградского уездов, почти вся Александровская губерния со „столицей“ махновии—Гуляй-Подем, Константиноградский уезд, Полтавской губернии, Изюмский и Купянский уезды. Харьковской губ., Холодный-Яр, Кременчугской губернии.—вот главные очаги махновского движения.

В то же время Махно всегда тяготеет к своей „родине“—Гуляй-Полю. Это видно из отдельных военных эпизодов борьбы с Махно (переход через Харьковскую, Полтавскую, Кременчугскую губ. в июне 1921 года), когда он стремится прорваться в Гуляй-Поле в надежде, что там он будет поддержан крестьянами и пополнит свои части. В обращении по поводу выпуска первого номера газеты „Вольный Повстанец“ Махно со своеобразной тоской упоминает о „родине“:

«Правда, выход ее не на месте, не там в Гуляй-Поле, не там, где каждый нас знает, где каждый нам верит, что мы не изменники революции и не предатели трудящихся: но мы все же верим, что зов этой газеты будет понят всеми так, как мы понимаем, что он принесет также не мало пользы и здесь, в этой местности, где царство полубуржуазной петлюровщины кишмя-кишит».

В то же время Махно внешне пытается доказать, что его армия не имеет ничего общего с другими бандитами и не может быть похожа на банды Правобережья. Об этом он не раз упоминает в своих приказах по частям. Он и его реввсенсовет стараются сохранить „святость народного повстанчества“ своей армии. Часто имеют место случаи, когда повстанцы за грабежи расстреливаются; запрещается конфисковать имущество, брать на ветряных мельницах—зерно и дерть, смена лошадей на поле в отсутствии хозяев запрещается; махновцы дают за одну лошадь несколько своих уставших; Махно напоминает, что повстанцы должны быть вежливыми и предупредительными с местным населением. Вполне понятно, что в обстановке боевых непрерывных действий Махно, достаточно опытный военный руководитель, не может позволить тех вольностей, какие обычно сопровождают его отряды. И эта политика дает свои результаты. Крестьяне относятся к Махно благожелательно.

Так, в июле 1921 г. при проходе через Ахтырский уезд крестьяне встречали Махно восторженно, снабжая его довольствием, устраивая на лечение раненых махновцев, (последнее практикуется широко), давая необходимые сведения о расположении красноармейских частей.

Командир Заблудько дает оперативный приказ, в котором ссылается на показания крестьян села Кирилловки (около ст. Пологи); очевидно, что махновские командиры таким показаниям верили безапелляционно.

В других случаях приличия теряются у махновцев, они превращаются из „повстанцев, народных освободителей“ в любителей погулять и пограбить.

Нами уже указывалось на поведение махновцев в 1918 г. в Екатеринославе. Все это бледнеет перед той вакханалией, какая была устроена в ноябре 1919 года при втором занятии Екатеринослава. Две недели по городу шли беспрерывные грабежи и разгул, обирали не только буржуазию, но попутно сплошь и рядом заглядывали в сундуки мелких обывателей и даже рабочих на окраинах. Каждый махновец в награду за понесенный им труд считал необходимым иметь меховую шубу, и поиски за ними приняли обычный узаконенный характер. Отсюда и получили они название „шубников“. А вот сведения о поведении повстанцев из первоисточника—дневника жены Махно:

...«23 февраля... наши хлопцы схватили большевистских агентов, которых расстреляли...

2 марта... Ночью сегодня хлопцы взяли два миллиона денег и сегодня всем выдано по 1000 рублей»...

... «6 марта выехали на Новоселовку. Остановились на прежней квартире. Хозяин тут очень симпатичный человек. Сегодня он нагнал самогону и угостил нас.

7 марта... С Новоселовки батько начал пить. В Варваровке совсем напился, как он, так и его помощник Каретник. Еще в Шагарове батько начал уже дурить, срамно ругаться на всю улицу, кричал, как сумасшедший, ругался в хате при малых детях и женщинах... Сел на лошадь верхом и поскал на Гуляй-Поле. По дороге чуть не упал в грязь. Каретник же начал дурить по своему, подошел к пулеметам и начал стрелять то с одного, то с другого. Засвистали пули низко над хатами.. Приехали в Гуляй-Поле. Тут под пьяную руку батько стал вытворять что-то невозможное. Кавалеристы начали бить нагайками и прикладами всех бывших партизан, каких только встречали на улицах...

13 марта.. Батько и сегодня выпил. Говорил очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. С каждым дается срамными словами. Натоворившись и натанцовавшись, заснул.

14 марта. Сегодня приехали в Большую-Михайловку. Убили здесь одного коммуниста»...

Сводки штаба советского командования также живо рисуют картину разгула махновских банд:

15—IV банда Шуся произвела налет на Михайловскую волость, где и зарубила предкомнезаможа и агента.

16—IV прибыл отряд кавалеристов в Терновку в количестве 200 чел. с 60 тачанками, оцепил деревню, арестовал комнезаможа и секретаря. Зарублен агент Губчека и один красноармеец.

Махно разгромил сахарный завод Пархомовки.

В Днепровском уезде, в связи с появлением в уезде банд Махно комнезаможи разбегаются. Кулачество чувствует себя свободно и ведет махновскую агитацию. В волостях распространяется левоз-эровская литература.

В Мариупольском уезде махновскими агентами распространен слух, что Махно преследует членов комнезамов, вследствие чего наблюдается выход из комитетов.

На село Ново-Николаевка налетел Махно с отрядом в 150 чел. при 8 тачанках и 50 конных; зарубив 6 красноармейцев, райпрокомиссара, волвоенкома—отправился дальше.

В Лебединском уезде Махно разгромил Чупаховский сахарный завод, при чем бандиты зарубили 15 человек стражи завода и разграбили 1000 п. сах.

В Вознесенской волости, Мелитопольского уезда, бандой в 150 саб. зарублен один продармеец и двое забраны бандитами.

Бандой Махно зверски убито несколько милиционеров (25 в. сев. Гуляй-Поле).

Теория и практика анархо-махновщины.

Как могло случиться, что анархисты, теоретически признавшие рабочий класс опорой революции и стремившиеся с его помощью создавать безвластные общественные отношения, перенесли свое внимание на крестьянство и избрали его базой своего действия?

На этот вопрос отвечает история развития революции от февраля до октября. Рабочий класс не мог даже в ничтожной части пойти за анархистами и их идеями, так как он воспитывался и подготовлялся в условиях беспрерывной, то глухо скрытой, то острой классовой борьбы. Для всякого мало-мальски сознательного рабочего было очевидным то, чего не понимали воспитавшиеся в эмиграции мечтатели-интеллигенты, а иногда упорные догматики. Никому и в голову, кроме анархистов, не приходила мысль о возможности на второй день после пролетарской революции устраивать, не только безвластные коммуны, в виде вольных советов, но и просто считать борьбу с буржуазией законченной. Сознание необходимости закрепить власть рабочих, власть диктатуры пролетариата было близко к рабочим по своему классовому содержанию, и поэтому лозунг анархистов о безвластии не был понятен рабочим массам, и они не чувствовали в нем никакой опоры. Все же остальные лозунги—улучшение жизни трудящихся, политическое и экономическое раскрепощение и т. д. практически осуществлялись коммунистами, и поэтому фразерство анархистов было пустым звуком для рабочей аудитории. Когда же рабочие увидели разнузданную, граничащую с простыми грабежами и уголовными преступлениями деятельность анархистов, выражавшуюся в ограблении буржуев и использовании награбленного в личных интересах, что было рядовым явлением, в анархистской среде естественно произошло то, что анархисты изживали себя на глазах не только у чутких политических рабочих, но и в глазах широких рабочих масс. Изредка появлявшиеся на рабочих митингах анархисты выслушивались рабочими с нетерпением, и к ним относились, как к людям, предлагавшим что-то непонятное. Бывали случаи, когда отдельные рабочие заявляли. „Довольно слушать чудаков“!, и это встречалось общим одобрением участников митинга. Так изживали себя эти политические „чудаки“ на арене пролетарской борьбы.

Если же разобрать сущность анархизма, который явился идейным проводником махновщины, то станет вполне очевидным, почему анар-

хисты отошли от рабочих и стали как бы выразителями классовой тенденции крестьянской мелкой буржуазии. То, что анархизм является выражением мелко-буржуазных чаяний, прикрытых флером туманной философии, марксисты доказали задолго еще до революции. Что является основным базисом анархического учения? Проведение общественных начал таким образом, чтобы люди могли пользоваться жизнью и ее благами в равной степени; организация общественных отношений таким образом, чтобы не было никакой зависимости не только одной группы от другой, но и отдельных индивидуумов друг от друга, чтобы не было признаков власти в людских отношениях.

Теоретически это является конечной перспективой всех социалистических учений. Коммунизм предполагает только одно подчинение: оно основано на духовных преимуществах и лишено, очевидно, какого бы то ни было насилия, но это есть ступень высшей культуры, а эта культура предусматривает наивысшую ступень развития производительных сил. Можно ли только по этим признакам считать учение анархистов мелко-буржуазным? Несомненно, нет. Но когда эта конечная цель ставится задачей сегодняшнего дня, и для ее осуществления идеологи опираются на вооруженную силу и активное сочувствие людей с собственнической психологией, притом же не прошедших еще и первичного этапа до-социалистической культуры,—тогда она принимает иную окраску и становится орудием в руках врагов, борющихся за коммунизм. На примере анархо-махновцев это особенно ярко проявляется. Выдвинув, как очередной лозунг, требование безвластия, воплощенного в вольные советы, они тем самым подрывали рабочую власть, являющуюся переходным этапом к социализму, и, понятно, что только те, кто заинтересован в свержении рабочей власти и укреплении своего господства, могли пойти за этими лозунгами.

Если проследить и разобрать имевшие место попытки анархистов практически проводить и осуществлять свои программные верования в условиях, когда они были более всего самостоятельны, то станет ясным, что эта искусственно взрошенная интеллигентски-бунтарскими умами Бакуниных и Кропоткиных программа не нашла себе и квадратного аршина социальной почвы в городе для своего применения.

Начиная с сентября 1919 г., махновская армия занимает Александровск; в городе и деревне разворачивается работа РВС и культпросвета армии по закреплению „начал безвластного творчества“. Анархические организации чувствуют себя господами положения. Большевики существуют полуполюгально. Это момент самого высокого расцвета побед и самоуверенности анархо-повстанцев. Они уже не довольствуются своим родным Гуляй-Подем и даже Екатеринославской губ., а выдвигают очередную задачу распространения своей власти или безвластия на всю Украину. В передовой статье через 18 дней после занятия Александровска 22-X-19 г. „Пути к свободе“, адресованной „Батько Махно“ и всем „командирам“, анархисты это определяли следующим образом:

Теперь больше, чем когда-либо, мы должны стремиться к военным шагам общеукраинского значения. Сейчас роль играет не то, сколько нас, а то, где мы. Мы можем иметь большую армию, но, сидя на месте, нам не выполнить своего назначения. А наше назначение заключается в том, чтобы зажечь революционный пожар по всей Украине.

«Махновская армия призвана быть знаменосцем и меченосцем поднимающегося трудового народа».

«Горе тем руководителям и вожаям армии, которые не поймут этого во время».

В то же время указанный период определяется „третьей революцией“, идущей под флагом борьбы за безвластие. „Путь к свободе“ в передовице 14—X „Новый этап“ пишет:

«Русская великая революция вступает, наконец, в новый самый решительный и, надо полагать, последний этап своего развития. Путь, на который поставлены рабочие и крестьяне этим начинающимся этапом, путь борьбы за свободный, безвластный советский строй».

и с уверенностью заканчивает:

«Надо полагать, что этот этап, выдвинувший лозунг: «свободный, советский безвластный строй»—есть последний этап и верный настоящий путь».

В течение 2-х с половиной месяцев Волин и компания стремятся организовать рабочих в экономические беспартийные советы, но безвластный воз не подвигался с места. В Александровске РВС, культпросвет и анархические организации призывают рабочих к самодеятельности, рекомендуют созвать съезд рабочих и крестьян для „разрешения основных вопросов строительства новой жизни и налаживания этой новой жизни“...

Проходит неделя—и в „Пути к свободе“ неистовствуют, почему рабочие не созывают съезда:

«Надо спешить, пока новое государство еще не окрепло, не стало мощным, не успело прочно укрепить новые привилегии и развить крупные слои населения и армии».

В этой же газете мы читаем:

«Рабочие и крестьяне должны теперь же стараться приступить повсюду к самостоятельным революционно-экономическим действиям, игнорируя бессильное государство и немощную власть»...

В течение недель анархо-махновская пресса нервничает в связи с „молчанием“ рабочих. Почти в каждом номере они спрашивают: „почему рабочие не строят безвластное царство“?, но ответа получить им не пришлось, так как бессвязный лепет литераторов был менее убедителен, чем грабительские деяния махновцев в городе.

В первых числах ноября Махно занял Екатеринослав, и здесь анархисты продолжают созывать на съезд рабочих, а также дают рецепты в своей прессе по организации жизни на „новых началах“. Но ни съезд, ни их рецепты не получают осуществления. Вместо съезда они вынуждены были созвать „узкое“ совещание, а по поводу

пассивности рабочих в каждом номере того-же „Пути к свободе“ они пишут примерно следующее:

«Почему молчит рабочий?.. Рабочие переутомлены и борьбой и работой. Рабочие запуганы мстостью врагов революции. Рабочие голодны и заняты, следовательно, шкурными вопросами. Почему же все таки теперь рабочий молчит в столь важное, значительное и решительное время, когда решается судьба человечества?»

А по поводу установления форм общественной жизни в длинной теоретической статье Волин, между прочим, говорит:

«Надо скорее, решительнее, энергичнее приступить к самостоятельной живой работе, к новому строительству жизни самими рабочими и крестьянами, на товарищеских началах»...

Параллельно этому отрицательному отношению рабочих к анархо-махновщине росли симпатии их к большевикам. Собираемые последними совещания и митинги, зачастую под страхом махновских преследований, проходили многолюдно; рабочие выносили предлагаемые коммунистами резолюции, и уже за две недели до отступления махновцев из Екатеринослава рабочие массы требуют выборов совета, установления органов власти и революционного порядка. Само собой разумеется, что при таком отношении трудящихся (а городские обыватели и мелкие служащие не только были пассивны к махновцам, но жили в постоянном трепете и страхе перед их „вольностью“) не могли и сами вожди „третьей революции“ выявить свою программу. Больше этого, они беспомощно смотрели на те разрушения в экономической жизни, какие творились их повстанцами. Последние, руководимые более низменными чувствами, чем их вожди, помимо грабежей магазинов и складов, врываются на заводы и там силой заставляли рабочих производить нужные им вещи, ремонтировать оружие и т. п., и, когда рабочие заявляли, что им нужно установить, кто же должен платить, то реввоенсовет давал им указания: „Надо построить свои беспартийные экономические организации, и там вы все такие вопросы будете разрешать“. На этом основании махновское командование решило, что приводные ремни из фабрик и заводов могут быть безболезненно взяты и использованы для нужд повстанчества. Большинство заводов было обобрано.

Когда к Махно пришли рабочие Екат. ж. д. и спросили, кто им будет платить, они получили мудрый совет: „Установите плату за пассажиров и багаж, и вы получите необходимые средства“.

Рабочие не послушались, понимая всю наивность этой меры. В другой раз рабочие Брянского завода пришли к Махно за платой, которая им причиталась за ремонт замков к пушкам, он их выгнал, обозвав „лодырями, неспособными устраивать свою жизнь“.

Полное бездействие каких бы то ни было организаций и отсутствие регулирования экономической жизни, хаос, созданный повстанцами в городе, давали полную возможность чувствовать себя хорошо только одной категории: спекулянты и мародеры использовали широко безвластный махновский режим.

А Волин в это время в бессвязном и беспомощном лепете продолжает убеждать рабочих, что только он и махновщина являются настоящим Мессией трудящихся. В статье от 25—ХІ он пишет:

„Наступает зима.

Я не знаю, чем и как будут жить люди этой зимой.

Жизнь исыкла окончательно. Жить нечем. Жить не на что...

Такой ужасной зимы, какую будет эта, население, несомненно, еще не переживало.

Быть может, хлеба, мяса, соли, овощей, сахара, топлива, сырья, одежды, обуви, денег и работы больше нет?

Какой вздор. Все это имеется, и имеется в достаточном количестве. И, затем, все это можно быстро воспроизвести—в количестве бо́льшем, чем надо.

Разве нельзя людям разрешить и уладить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?

Ведь, надо только, чтобы люди труда и совести,—вместо того, чтобы пугливо жаться к стороне, молчать, думать каждый лишь о себе и идти на поводу у трусов, у бездельников и шарлатанов,—надо, чтобы эти люди—подлинные рабочие и крестьяне, подлинно безработные, подлинная беднота—сами взялись за дело, столкнулись, условились, организовались“.

Мы уверены, что съезд сумеет серьезно и тщательно обсудить необходимые вопросы и даст сильный толчок как к дальнейшему устройству местной жизни, так и к восстановлению крестьянских и рабочих организаций—в том числе к созданию вольного делового экономического рабоче-крестьянского совета. Тогда, и только тогда, начнется то «безвластие»... и т. д.

Помимо этих общих, в большинстве агитационных, рассуждений, у анархо-махновцев имелаась полная, разработанная всесторонне программа.

В октябре месяце 1919 г. военно-революционный совет принимает эту программу, распространяет ее среди рабочих и крестьян, под названием „декларации“, лейб-мотивом которой является анархическая программа.

В ней махновцы доказывают, что уже время приступить к осуществлению на деле анархических начал, и предлагают свои соображения, как устраивать жизнь общества, но в то же время предупреждают, что их формы не являются идеальными и что на опыте можно установить более совершенные.

Но рабочие кварталы—основная, так сказать, духовная сила пролетарской революции,—не вмещались в формы, предлагаемые анархо-махновцами.

И идеологи махновии—набатовцы это великолепно понимали. В анализе отношений к ним рабочих можно было читать следующее:

«Армия махновцев—это мужицкая повстанческая армия». В то время, как рабочих в силу указанных причин (ссылка на усталость, шкурничество рабочих и т. д. А.) отходит от революции, мужик на своих плечах выносит ее последний и, надо полагать, окончательно-победный этап; в третью революцию авангардом будут крестьяне“.

Идя дальше в своем воспевании революционности „мужика“, анархисты утверждают:

«Если-бы были в живых великие люди,—Бакунин, Герцен, Достоевский, Кропоткин, они пошли бы с нами одухотворяя крестьянство и поднять революционных рабочих к третьей социальной революции».

Махновское повстанчество было поддержано одной частью анархических организаций, а именно, группой „Набат“. Лидеры этой группы связались с повстанчеством, сделали его политическими вдохновителями и в течение трех лет существования махновщины не прерывали связь с ними. Из этой группы выходят наиболее видные теоретики анархизма, работающие постоянно при культпросвете и РВС Махно. В 1918 году при штабе Махно подвизается Барон, приехавший из-за границы, после первой измены Махно ушедший в Россию. В 1919 г. в реввоенсовет входит Волин с группой анархистов и остается вплоть до декабря 1920 г. После второй измены Махно он был арестован. Все более или менее важные шаги политического значения не предпринимались Махно без предварительного обсуждения в группе „Набат“. Так и последнее соглашение Махно с советским командованием в октябре 1920 г. предварительно обсуждается анархистами. Они учитывают, что положение Махно безвыходное, ему нужно примкнуть или к красным, или к Врангелю; путаться под ногами в момент, когда борьба приняла решающий характер, становилось физически невозможным.

Махновская пресса усиленно подготавливает почву для соглашения, стремясь создать эффект благородства и скрыть свою инициативу в этом вопросе. Вот выдержки из их прессы того времени в ответ на предложение о соглашении:

„Как нам удалось выяснить, отправке вашего посланца к нам предшествовали переговоры вашей организации с соответственными представителями т. н. Советской власти в лице Затонского, также с представителями Центр. Комитета партии коммунистов-большевиков. Зная обычное третирование коммунистами партии эс-эров, как бесполезной кучки интеллигентов, мы полагаем, что коммунистическая партия не позволила бы вести с нами какие бы то ни было переговоры, если бы сама коммунистическая партия в этих переговорах не была заинтересована“.

Дальше они говорят, что большевики — контр-революционеры.

«Объективно большевики-коммунисты-контр-революционеры, даже худшие, чем Врангель».

Но в то же время они в конце своего „ответа“ заявляют о желании сговариваться с „этими контр-революционерами“.

...«Мы всегда готовы сговориться с теми, у кого интересы революции стоят выше всего. Если желание партии коммунистов сговориться с нами на этот раз вполне искренне, мы во имя интересов революции можем пойти ей навстречу, лишь в том случае, если нам будут даны определенные гарантии».

Махно и анархисты смотрели на соглашение, как на временный и дипломатический шаг, дающий возможность организовать, укреп-

нуть и начать вновь борьбу с большевиками. Истинный же мир, по их мнению, они могут заключить не с правительством, а с „свободным союзом трудящихся“. Тот же взгляд они высказывают и на мир с Польшей и другими государствами. Так они определили в своих воззваниях это соглашение.

Набатовцы составляют обширный план организационной и пропагандистской работы среди войск и населения, созыв всеукраинской конференции на декабрь месяц. В обращении к организациям по этому поводу конфедерация „Набат“ пишет:

...„В средних числах октября между революционными повстанцами-махновцами и Советской властью состоялось соглашение, в силу которого все анархисты на территории Советской республики подлежат освобождению, а анархистским организациям предоставляется право свободной пропаганды, печатной и устной. Секретариат «Набата» решил принять легальное положение условно, до созыва съезда“...

Реввоенсовет махновцев следующим образом объясняет свое стремление к соглашению в своем обращении к повстанцам:

„Тяжелый час настал на родной Украине. Обратно на измученную родину надвигаются грозные тучи. С запада ненавистный каждому украинцу исторический враг—польская шляхта. С юга неудержимо врзается все глубже в сердце Украины душитель народа—немецкий барон Врангель. Зарвавшиеся было коммунисты и комиссары получили снова хороший урок. Пришлось им признать, что без украинского народа и вольного повстанчества они что-нибудь сделать бессильны. С другой стороны, совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастными зрителями, украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага—польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое—смерти подобно для селянства Украины. Учитывая выше сказанное, совет революционно-повстанческой Украины (махновцев) принял решение—временно, до разгрома наседающих внешних врагов и панских наймитов, идти в союзе рука об руку с Советской Красной армией; для использования этого постановления совет революционных повстанцев Украины (махновцев) предлагает всем без исключения отдельным группам и отрядам (повстанцев), действующим на Украине:

1) Прекратить всякие враждебные действия против Советской и Красной армии, равно как и против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.

2) Все живые и здоровые силы вольного повстанчества Украины влить в ряды Красной армии, войдя в подчинение и под командование командиров последней.

Соглашение на этой почве совета революционных повстанцев Украины (махновцев) с реввоенсоветом Советской Украинской Республики достигнуто. На основании этого соглашения все раненые и больные, имеющиеся при отдельных повстанческих отрядах, поступают на обеспечение и лечение советских лазаретов. Весь личный состав повстанческих групп и отрядов, а также и их командиров при поступлении в Красную армию (условно до 1-го ноября 1920 г.) никаким репрессиям, наказаниям или преследованиям за прошлые деяния не подлежат. Переход повстанческих групп и отдельных

отрядов в ряды Красной армии должен произойти организованно через местных уезанных или губернских начтылов, или специальных уполномоченных реввоенсовета республики.

Совет революционно-повстанческой Украины (махновцев) признал, что повстанцы, остававшиеся после прочтения настоящего извещения пассивными или продолжающие враждебные действия или нападения на советских работников и чинов Красной армии, будут считаться, как изменники повстанческому делу и враги повстанческого движения; с такими борющимися против своих братьев повстанцев (махновцев) будет расправляться как с бандитами. Совет революционно-повстанческой Украины твердо уверен, что вольное повстанчество Украины не пойдет по разным дорогам, но сплоченно, как в 1918 г. и 1919 г., последует на зов своих испытанных революционных вождей—батяка Махно и совета революционных повстанцев Украины (махновцев)»..

Соглашение было достигнуто на следующих основаниях:

« 1. Все боевые силы армии Махно, сохраняя свои прежние внутренние распорядки, оперативно подчиняются общему командованию Республики.

2. Соввласть обязуется по заключении настоящего соглашения освободить всех арестованных анархистов и махновцев, содержащихся в советских тюрьмах и обвиняемых в причастности к махновщине.

3. Анархисты и махновцы пользуются правом повсеместного и свободного распространения своих идей и пониманий, а также правом вербовки добровольцев в армию Махно, но не призывного возраста.

Примечание к пункту 3 обязует махновское командование удостоверить в том, что вступившие в их ряды добровольно не являются дезертирами из Красной армии.

Был и еще четвертый пункт о вольных советах, но таковой к моменту ликвидации Махно рассмотрен не был.

По поводу соглашения „Путь к свободе“ от 13 октября пишет:

«Враждебные действия между революционными повстанцами-махновцами и Красной армией прекратились.

Вокруг перемирия создались кое-какие недоразумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в своих прежних действиях, признал Советскую власть и т. д.

Как же мы понимаем, какое содержание вкладываем в мирное соглашение? Ясное дело, что никакого идейного контакта и сотрудничества с Советской властью или ее признания не могло и не может быть.

Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков.

Мы никогда не признавали никакую власть, и в данном случае не можем признать Советскую власть.

«Так что снова напоминаем и лишний раз подчеркиваем, что не следует спутывать, злостно или по непониманию, военный контакт, являющийся следствием грозящей революции опасности, с каким то переходом, «слиянием» и признанием Советской власти, что не могло быть и не будет».

Прежний опыт соглашения с Махно и результаты его должны были предостеречь от излишнего доверия. Совнарком Украины, идя на соглашение, понимал, какие цели будут преследовать махновские лидеры; но, с одной стороны, осложнившиеся военные обстоятельства на врангелевском фронте, к тому же одновременная борьба против поляков; с другой стороны, внутренний раскол, определенно наметившийся среди различных элементов махновцев, были основанием для принятия соглашения.

Вполне понятно, что военное командование зорко следило за тем, чтобы в случае невыполнения махновцами обязательства начать их ликвидацию. Имея целью использовать соглашение для своего численного увеличения и стремясь одновременно в тылу вести разложение путем организации восстания, Махно еще до ликвидации Врангеля фактически нарушил обязательства, как невыполнением военных приказов, так равно и стремлением к самостоятельному формированию своей армии.

Это явилось основанием к ликвидации махновщины, которая и началась 25 ноября.

Сам Махно в это время находился в Гуляй-Поле с отрядом численностью до 3000, в том числе 1000 конных. Уже этот один факт убедительно говорил о намерениях Махно. Очевидно, что эту армию он держал в Гуляй-Поле не для того, чтобы идти с ней на врангелевский фронт. Часть махновских частей была разоружена, главные же командиры с частями прорвались через фронт и соединились с Махно. Дней через пять из Крыма пробрались Петренко и Тарновский с отдельными отрядами кавалерии в 100 чел. Таким образом, основное ядро осталось невредимо, и махновский штаб немедленно же открыл боевые действия против красных войск. Так и на этот раз соглашение не только не дало существенной пользы в борьбе с белыми, но принесло вред разложением, внесенным в ряды армии. Сами же анархо-махновцы после писали, что только благодаря им Врангель был ликвидирован.

„Эта боевая задача разгрома Врангеля нами блестяще выполнена. Наши части при поддержке красных частей очистили весь Крым, окончательно разбили Врангеля“

Так пишет в своем письме к повстанцам некий командир Чарин.

К этому времени среди анархистов намечается более осторожное отношение к махновщине; они поняли, что и на этот раз возлагаемые надежды не оправдались.

В резолюции по „теории анархизма“ имеется следующий пункт о „повстанчестве и махновщине“:

«... Что касается так называемой повстанческой армии Украины—махновцев, то относительно их приходится отметить, что ее ошибочно называют анархической. Вообще анархическая коммуна не может быть добыта ни усилиями героев-одиночек, ни специально военной силой, даже если бы она целиком состояла из анархистов (да и не из анархистов состоит махновская армия). В пода-

вляющей своей части—это сдавшиеся в плен красноармейцы и средние деревенские повстанцы-добровольцы. Два года борьбы против разных властей под руководством анархиста Махно выработали внутри армии и некоторое ядро, которое усвоило лозунги безвластия и советского строя.

Стоящий во главе махновщины «батько» Махно, обладающий многими ценными для революционера качествами, принадлежит, к сожалению, к тому типу людей, которые личные свои капризы не всегда умеют подчинять интересам дела.

Признавая работу в махновских низах, конференция предостерегает товарищей от излишнего оптимизма: несмотря на наличие в массах симпатии к махновщине, все же в данное время нечего рассчитывать на революционную поддержку вследствие усталости и общего падения революционного духа в стране».

Анархисты признают, что махновщина не может быть поддержана трудящимися массами, и это главное, что заставляет их быть осторожными с ней.

Мы же думаем, что не только благодаря усталости и „падению революционного духа в стране“ махновцы не встречают поддержки, как это пишут „набатовцы“, а, главным образом, потому, что украинский крестьянин Правобережья и Левобережья уже вышел из состояния первой стадии внутренней борьбы. Кулак чувствительно ослаблен экономически комнезаможами, а оставшиеся не могут быть особенно реальной силой для поддержки махновцев. Последние мероприятия Советской власти, как продналог, закон о прикреплении земли на 3 севооборота, т. е. на 9 лет, и, наконец, закон об амнистии бандитам, все это, вместе взятое, усилило в крестьянине стремление к спокойной жизни и государственному порядку. Вполне естественно, что бандитизм, в том числе и махновский, шел заметно на убыль. Почти все атаманы бандитизма пытались вести переговоры—много атаманов сдалось Советской власти; так, по амнистии сдались следующие махновские „батьки“: член штабармии—Зверев, инспектор артиллерии—Шаровский, начсвязи—Полено, электро-техник—Пахарь и ряд других, всего атаманов сдалось 30 ч. и рядовых 2443, при чем многие выставляли требование, чтобы их считали народными борцами, однако, вынуждены были принять признания, какие содержала в себе амнистия.

Ошибочно будет думать, что только один факт амнистии заставил атаманов сдаться. Не подлежит сомнению, что многие из них, являвшиеся выразителями мелкой буржуазии, почувствовали, что Советская власть изменяет свою политику в отношении крестьянства не спроста и не на сегодняшний день. Совокупность всех мероприятий Советской власти, обозначавших новый поворот в политике, была достаточным основанием к тому, чтобы атаманы сдались, и многие из них будут охотно работать в новых условиях крестьянской жизни. Большинство же, несомненно, почувствовало своим авантюристическим чутьем, что момент подходящий, и что если не сдаться, то, пожалуй, Советская власть возьмет их в конце концов силой.

В момент, когда Советская власть коренным образом меняет свою политику, когда во главу угла своего внимания ставит заботу о крестьянском хозяйстве, о всесторонней культурной и политической работе на селе, иными словами, когда Советская власть стала облекать в конкретные формы свое отношение к крестьянству, под углом зрения учета его интересов, тогда бандитизм идет на убыль по всем фронтам.

Не подлежит никакому сомнению, что чем теснее свяжется город с деревней, чем усиленнее будет работа среди крестьянства рабочих-коммунистов, чем больше Советская власть будет овладевать деревней и сближать ее с городом, тем меньше будут встречать симпатии среди крестьянства бандитские отряды всех видов, в том числе и маховские. Задача состоит в том, чтобы коммунистическая партия и Советская власть сумели овладеть массами сельской мелкой буржуазии на возможно долгий период перехода от пролетарской диктатуры к подлинному коммунистическому строительству.

В течение трех лет на Украине (да и в России не вполне) почти не было связи города с деревней. Крестьяне смотрели на город, как на чуждый им по интересам, находящийся в руках пришельцев, не знающих нужд крестьян, „центр.“ Оттуда они ждали представителей для проведения разверстки; отсюда в различные времена к ним приезжали усмирительные отряды гетмана, немцев и Деникина и советские продовольственные отряды. Первые чинили поголовные насилия и грабежи, вторые также иногда рядом с убеждением применяли средства принуждения, что вызывалось неизбежным требованием действительности в условиях военного времени. Надо было дать продукты из деревни с максимальной быстротой. Если же учесть, что различного рода бестолковые и преступные действия отдельных «маленьких и больших» „советских“ начальников и командиров вносили капли мелочного, но иногда справедливого раздражения, и что из этих капель создавались иногда восстания и бунты целых деревень, умело провоцируемые всякими маховскими, петлюровскими, белогвардейскими и эс-эровскими элементами, то все это только дополнит общее представление о самочувствии обитателей деревни.

Известны случаи, когда крестьяне, раздраженные каким-либо не в меру разошедшимся продотрядником, дико раздвигались с ним и его отрядом.

Что касается бандитов, то они почти все,—и на Правобережье, и на Левобережье,—беспощадно истребляли продотряды и отдельных продработников, применяя самые дикие средства расправы (распарывали живот, насыпали зерно, оставляли надпись: „разверстка выполнена“). Так только в течение двух месяцев маховцами зверски убито продработников в Запоржской и Полтавской губерниях до 250 чел., милиционеров 171 чел., совработников 197 чел., незаможных, по неполным сведениям, 189 ч.

Само собою разумеется, что это было выявлением кулацкой ненависти в отношении продразверстки. Махно это отлично пони-

мал, поощряя эту ненависть всеми способами. Так, во время пребывания в Изюмском уезде, в Старобельске, Махно выпустил на рынок хлеб, награбленный в уопродкоме, по 200 р. за пуд; такие же операции он производит в Константиноградском уезде, где из сахарного завода было роздано крестьянам тысяча пудов сахара. Он устраивает митинги и раздает награбленное из продорганов, что много раз отмечено в сводках и докладах,

В то же время махновское командование и реввоенсовет декларировали борьбу с антисемитизмом в отличие от других, даже с политической платформой, атаманов, выставлявших откровенно рядом с кличем „бей коммунистов“—„бей жидов“, как это видно из прокламаций Струка, Ангела и других бандитов петлюровского типа. Махно и его штаб в своих прокламациях указывали на недопустимость антисемитизма и даже путем репрессий в отдельных случаях боролись с проявлением этого, что видно из следующего объявления, помещенного в газете „Вольный Повстанец“ от 11 августа 1920 г.

«По прибытии первых частей в Шишаки неизвестно до сих пор штабу коих частей повстанцами был изрублен местный учитель еврей, который совершенно вне всякой политики (и совершенно невинный человек). В виду этого совет армии и штаб группы не намерены дальше допускать самочинных расстрелов кого бы то ни было и загрязнения нашего движения. Приказываю командирам частей и начальникам команд объяснить повстанцам, что для нас не есть враг нашего революционного движения мирный житель, но, наоборот, будь то русский, еврей, армянин и т. д., стоящий у власти, это и есть наш враг.

Это было в Зенькове, Полтавской губ. Здесь же Махно издает приказ на страницах того же „Вольного Повстанца“:

«По распоряжению командарма б. Махно расстрелян 10-го августа повстанец лазарета А. П. за грабежи у мирной жительницы г. Зенькова».

Однако, такое поведение диктуется больше тактическими соображениями, так как Махно надо было расположить к себе местных крестьян и население в период, когда его положение было весьма непрочным. Примеры же почти поголовных грабежей, имевшие место в махновской практике,—явление обычное. Установилось также правило „урочных грабежей“, т. е., когда один-два дня махновцы могли грабить в местах, ими занимаемых, что было обычным явлением в 1919 г.

Надо полагать, это правило упрочилось, как компенсация босяцким, уголовным элементам, составлявшим не малый процент в отрядах Махно.

О попытках соглашения некоторых видных махновцев с Врангелем упорно разговаривали даже среди махновцев. Однако, их печать говорит совершенно обратное:

В № 44 «Пути к свободе» мы читаем:

«Во время общего собрания командного состава, член штаба заявляет, что только что прибыл «делегат» от генерала Врангеля с

пакетом на имя б. Махно. Здесь же выносится решение всем собранием ознакомиться с содержанием пакета, допросить делегата и вынести по этому поводу определенное решение. Доставляют «делегата». Читают письмо Врангеля. Все возмущены, готовы делегата на куски разорвать. В десять минут принимается единодушное решение на письмо ответить в печати, где опубликовать и самое письмо, а делегата, который за пакет должен был получить сто тысяч от Врангеля, немедленно убить публично, на глазах крестьян и повстанцев. Для того же, чтобы больше не находились «охотники доставлять нам врангелевскую корреспонденцию, было постановлено убивать каждого посланца от Врангеля и вообще справа»...

И дальше:

«Дней шесть тому назад к нам явился еще делегат от Врангеля, который после опроса был немедленно убит, и, наконец, в тот же день явился делегат от петлюровской подпольной организации...».

Поскольку нет верных данных, вряд ли можно утверждать, что махновское командование официально решило входить в связь с белыми; что касается связи отдельных личностей, то она была в разное время, хотя вожди махновщины скрывают от широкого оглашения данные, подтверждающие этот факт связи с белыми, дабы не дискредитировать свою армию.

Однако, установлено с точностью, что махновский штаб вел переговоры с отдельными петлюровскими атаманами в целях объединения борьбы с Советской властью. Так, во время пребывания Махно в Ново-Московском уезде он предлагал бандиту Матвеенку, петлюровцу, руководившему бандой в 300 человек, объединение с ним.

Набатовцы овладели махновщиной, через нее они пытались влиять на крестьянство, с ее помощью они надеялись устанавливать безвластную организацию общежития, не только в отдельных районах, а и во всей Украине. Анархисты полагали, что в случае успехов военных операций махновских банд они сумеют осуществить лозунги „третьей революции“, которая, по мнению анархистов, должна была свергнуть Советскую власть, как выродившуюся в „анти-социалистическую“. Но вокруг махновии группировались и группируются не только анархисты. Эс-эровская интеллигенция вначале пытается конкурировать с ними. После лево-эс-эровского мятежа, многие из этой неудачной „партии крестьян“ бежали на Украину, уйдя в повстанческие отряды Махно, приблизившись к самой верхушке. Они пытаются соединить, примирить, тогда еще сумбурный (даже для анархизма) анархо-идеализм Махно, со своей эс-эровской программой строительства, они находят общий язык о вольных советах; и анархо-махновцы, и эс-эры эти советы рассматривают, как всенародные организации, где должен ужиться и кулак, и незаможный, и лавочник-спекулянт, и рабочий. И те и другие не мирятся с диктатурой пролетариата и требуют диктатуру всего народа.

Эти разновидности российской никчемной интеллигенции не понимают и не чувствуют той глубокой социально-экономической разницы, которая скрывалась в глубинах двух мощных общественных сил революции октября, а именно: рабочего класса и крестьянства, и это

непонимание заставляло их в угоду отвлеченным сентиментальным идеям идти по линии наименьшего сопротивления, т. е., требовать органического соединения в начальном процессе революции того, что несоединимо и явно противоречиво. Крестьянство они рассматривали, как нечто целое в самом себе; общность его интересов, как внутри, так и с пролетариатом они думали наладить путем ничего не говорящих формул о едином революционном фронте (эс-эры), объединении всех трудящихся на платформе „равенства, братства и свободы“ (анархисты).

3-хлетний опыт в России и такой же с перерывами на Украине с дьявольским упорством доказал всю абсурдность, искусственность, интеллигентскую беспочвенность их взглядов и платформ. Крестьянина надо было расслоить внутри себя, параллельно объединить с рабочими на почве общих интересов революции, убить экономически наиболее сильную часть мелкой буржуазии—кулака, и только после этого, когда крестьянин материально станет классом, сама собою выдвинется необходимость рассматривать крестьянство, как целое.

Россия этот процесс почти изжила. Впервые на партийной конференции коммунистов, в июне, т. Ленин прямо определил крестьянство, как класс, и это не формула, а исторический факт. Кто знает нынешнюю деревню Орловской, Тульской, Курской и др. губерний, тот должен признать правильность этого определения и признать разницу между деревней 18-го, 19-го и 20-го годов. Экономика деревни ныне определяется не наличием помещика, его земель и отношением ее, т. е., земли к крестьянству, не распределением земли по величине наделной, прикупленной и прочее, не разницей в количестве земли у кулака и бедняка, а „единой трудовой нормой земли“. „Осьминники“, десятины и десятины с четвертью на душу—вот тот экономический фактор, который определяет крестьянское благосостояние. Землю по одинаковой норме получают все, инвентарь разделен в период комбедов, и деревня выровнена в одну экономическую линию.

Есть еще безлошадники, но они становятся все более и более незаметны численно. Но кроме этого экономического фактора, есть еще и другой, определяющий крестьянство, как класс: это его мелко-собственническая земледельческая психология. Она тем глубже, крепче сидит, чем большими экономическими преимуществами обладал крестьянин раньше. Кулак еще не скоро откажется от своих бело-гвардейских, эс-эровских и других контр-революционных симпатий, он будет продолжать будоражить село, но успеха иметь не может, так как большая часть деревни за ним не пойдет, если он проявит активность. Он вынужден примириться и быть равным с другими. И если отдельные восстания и движения в крестьянстве могут быть руководимы кулачеством, то здесь, несомненно, надо учитывать наличие всей обстановки в деревне, а не исключительно агитацию бывших кулаков. Они только воспользовались недовольством темных крестьян.

янских масс, чему ярким образцом является Антоновское движение в Тамбовской губернии.

Это то, чем определяется мелкая буржуазия, в отличие от пролетарской психологии рабочего класса. Значит, только теперь в революции идейно стали друг против друга две основные ее силы, одинаково упорно преодолевающие трудности всего предшествовавшего периода борьбы.

Объединение их интересов, сближение в дальнейшем их пути является основным делом нынешнего и последующего времени, для успеха социалистической революции.

На Украине процесс расслоения и выравнивания крестьянства затянулся, во-первых, потому, что революция имела много прорывов, а во-вторых, потому, что на Украине корни кулака крепче, и его влияние на середняцкие и бедняцкие слои сильнее. Но в то же время, даже при проведении „уступчивой“ экономической политики в отношении крестьянства, борьба экономических групп на селе не стихает, и это будет до тех пор, пока кулак не будет уничтожен и экономически и политически. Сокращению процесса, несомненно, поможет разумное проведение советского строительства и упрочение Советской власти в деревне.

Куда же сворачивали анархо-махновцы революцию на Украине? Во что превратили бы „пророки-интеллигенты“ ее завоевания, если бы история изменила свое течение и пошла по пути, указанному ими?

На этот вопрос может быть только один ответ: его иллюстрировала история фактами вроде Центральной Рады, этого детища мелко-буржуазных политиканов Украины, после примером Директории Грушевского, а в России—сибирской Директории, а еще раньше примеры были в до-октябрьский период: власть, как через передаточный пункт, переходила из рук мелко-буржуазных демократов в руки матерых вождей буржуазии и помещиков. Ясно, что анархо-безвластие было бы этапом для торжества диктатуры буржуазии и генералов. Не понимали этих простых уроков истории „идейные интеллигенты“, тем более не могла понять та интеллигенция, которая шла к Махно, влекомая мелко-буржуазными иллюзиями народничества, а вокруг Махно группировались народные учителя, были и врачи и всякие деклассированные интеллигенты, ставшие на одну почву с такими же отбросами города. Часть из них непосредственно принимала участие в махновских бандах, часть же находилась в связи с ними и оказывала всяческую поддержку. Такой разнородный „умственный“ аппарат махновщины и явился воплощением мелко-буржуазной стихии, просачивавшейся во все поры деревни.

Все политические партии и группы, избравшие другой путь, минуя диктатуру пролетариата, ослеплены яркостью своих отвлеченных идеалов. Из-за звучных фраз „революционного единства“ они не видят отчетливо проглядывающих рожек монархического режима. Из-за такой же блистающей „безвластной ассоциации“ они не видят весьма реальной формы реакции.

Так анархо-махновцы из „Набата“, выдвигая, как очередной лозунг, анархическую коммуну, не хотят видеть того, что ни крестьянин, ни рабочий не готовы к этой коммуне, и что экономика страны требует не болтовни о безвластных экономических организациях, а единого хозяйственного плана и регулирования. Общие условия и обстановка, в которых находится Советская Россия, не позволяют ослаблять аппарата пролетарской диктатуры. И коль скоро эта диктатура в виде Советской власти будет ослаблена, тотчас же открывается широкий путь перед контр-революцией; уничтожение же Советской власти знаменует торжество реакции, и никакие промежуточные формы до-анархической коммуны, как это думают анархо-махновцы, не могут иметь места.

Значит, теоретики анархизма вольно или невольно льют воду на мельницу тех, кто заинтересован в восстановлении буржуазной власти.

Но как наивно они рассуждают о том, что надо сделать на другой день после „3-й революции“. Вот что говорится в их резолюции по вопросам анархической теории:

«Анархисты-массовики никогда не отрицали, что между первым днем анархической революции и полным днем анархической коммуны будет известный период времени, в течение которого будут изживаться наследия рабского прошлого и ошущую налаживаться формы свободного общества. Этот период, полный промахов, ошибок и неустанного совершенствования, может быть назван разное: периодом накопления анархического опыта, периодом углубления социальной революции, первоначальной фазой анархической коммуны и т. д.»...

Как видно, они также неуверены, что коммуна будет сразу же утверждена, но для них важно, чтобы утвердились безвластные формы жизни, и так как сами еще не знают, какие будут эти формы, то и понадобится для изыскания их время. Дальше мы читаем:

«Анархическая революция, т.е. революция, в которой преобладают лозунги безвластия и коммунизма, в своем развитии встречает не мало препятствий. Сила активного сопротивления заинтересованных в сопротивлении капитала и власти, косность и невежество широких трудовых масс—могут создавать такие условия, при которых осуществляющаяся анархическая коммуна будет далека тому, что нельзя предугадать количественно и качественно содержание всех тех сил, средняя арифметическая которых создаст действительность того времени»...

Итак, они признаются, что сейчас еще не время не только для анархической коммуны, но и для 3-й революции. Что касается Советской власти, то отношение к ней они определяют следующим образом:

«...Революционную роль Советской власти в революционном рабочем движении мы должны признать двусмысленной, т. к., возбуждая рабочего против буржуазии, Советская власть угрожает повести его по пути диктатуры, губительной для революции. Конференция конфедерации «Набат» призывает всех анархистов и честных революционеров к решительной непримиримой борьбе с Советской властью и ее институтами, не менее опасными для дела социальной революции, чем другие, менее прикрытые ее враги—Антанта и Врангель»...

И затем, разбирая свое отношение к профсоюзам и другим рабочим организациям, называя их придатками государства, они заключают:

...«Там, на заводах, фабриках и других местах нужна наша пропаганда. Там нужно заняться деятельным образом созданием нелегальных анархических групп».

Какая слепота и глупость. В одно и то же время признавать невозможным устраивать коммунизм, хотя бы и анархический, и в данное время, ничего не говорить о хозяйственно-экономическом состоянии России и ее зависимости от других стран, ни одним словом не обмолвиться о ближайших перспективах, развитии производительных сил страны; утверждать, что Советская власть борется с российской и мирской буржуазией, и придти к выводу, что Советская власть и советский строй—контр-революционны; противоречие, фразерство, глупость, а может быть даже и провокационное творчество агентов из-за границы,—такая оценка может быть дана всяким, не только знающим анархизм и его теорию, но и рядовым рабочим.

Кто может пойти за такими путаниками и их нечлено-раздельными „теориями“?

Ясно, что только те, кто против социалистических преобразований, кто против диктатуры рабочих, как средства к этому. Ведь, всякий теперь понимает, что социализм, а потом и коммунистическое устройство жизни зависит от развития производительных сил. Если бы мы окончательно и навсегда уничтожили всех врагов рабочих и крестьян и добыли гарантию полной безопасности для Советской республики, а наше народное хозяйство осталось таким, как оно теперь в 1921 г., мы ни о каком коммунизме думать не могли. Нам будет нужен хорошо организованный рабоче-крестьянский централизованный аппарат государства, чтобы через него восстановление хозяйства шло наиболее успешно.

Анархо-махновцы констатируют отсталость, невежественность рабочих масс, в то же время призывают их к „анархическому строительству“ и к революции. Спрашивается, кто же будет регулировать экономическую, культурную, материальную сторону жизни в этот „начальный период накопления анархического опыта“; очевидно, не „темные и отсталые рабочие и трудовые массы“, а ученые интеллигенты—анархисты. Я разобрал нарочно так подробно эту их теоретическую часть резолюции, (резолюции и некоторые вопросы теории, принятые харьковской конференцией), чтобы показать, насколько туманны, противоречивы и поверхностны их рассуждения, но в то же время насколько упрямо и безоговорочно они рекламируют себя и призывают других быть врагами Советской власти и республики.

И когда за анархистами идет вооруженная сила—махновщина, а за махновщиной часть крестьянства, эта кучка из интеллигентских кретинов, авантюристов, проходимцев и белогвардейцев, являющаяся идеологом махновщины, делает самое неприкрашенное дело контр-

революции. Крестьянство на левобережной Украине шло стихийно за махновщиной, последнюю питали, вели, поддерживали анархисты, говорящие о „невежественности масс“, но в то же время стремящиеся опереться на самое разнузданное, невежественное, чем может быть мелко-буржуазная стихия. Что такое сочетание могло бы дать в результате только реакцию, не может быть и тени сомнения хоть у сколько-нибудь думающих людей.

Поэтому выводы должны быть таковы: с анархо-махновщиной необходимо бороться не только как с вооруженной силой, превратившейся в бандитизм и творящей контр-революционное дело, но и как с стремлением кучки анархистствующих деклассированных интеллигентов, авантюристов и белогвардейцев использовать мелко-буржуазную стихию против Советской Республики.

С момента, когда гражданская война на фронтах прекратилась; когда все противосоветское направляет свои взоры во внутрь республики, стремясь использовать экономические затруднения страны; когда усталость масс, хозяйственная нищета усугубляют положение; когда крестьянство остается источником мелко-буржуазной стихии, при такой обстановке все без исключения анархистовавшие группы и партии, ставящие в задачу сегодняшнего дня „безвластие“, ведущие пропаганду среди крестьян и рабочих, творят предательское контр-революционное дело. Кто не хочет понять, что российская революция вступила в творческий, строительный, а не разрушительный период, тот уподобляется меньшевикам и эс-эрам в начале октября, когда пролетариату неизбежно надо было разрушить буржуазную машину государства, чтобы создать свою.

Те, кто мешал тогда разрушению, были объективно контр-революционны; те, кто теперь мешает укреплению советского строя и строительству государственному, те—враги социализма и коммунизма. К коммунизму можно придти через восстановление производительных сил страны, через организацию хозяйственно-материальных запросов трудящихся, через налаживание общественных аппаратов учета и распределения. Другой путь приведет к тому же, к чему приходили меньшевики и эс-эры в первый период революции. Таким, а не иным должно быть отношение сознательных рабочих к анархистам, вообще, и махновцам, в частности.

Вывод из этого тот, что анархисты, как политически-бесформенные группы, не имеющие за собой ни революционного опыта, ни поддержки в рабочих массах, могут быть использованы в переходный от революции к реакции момент, в виде передаточного моста. В то же время эта группа, как и другие „социалистические партии“, вроде эс-эров, всегда готовы опереться на мелко-буржуазное движение, как в деревне, так и в городе.

Анархо-махновщина—проводник мелко-буржуазных настроений.

В чем же настоящая опасность этого стихийного крестьянского бунтарства, выражающегося в махновщине и других видах бандитизма на Украине? Не только в постоянной физической угрозе Советской власти. С этим она справится; махновские, атаманские, петлюровские банды будут в конце концов истреблены военным путем.

Опасность, и самая большая, заключается в проникновении мелко-буржуазных настроений в рабочие кварталы, на фабрики и заводы, в отсталые, и уставшие рабочие массы.

Разжижение, усиление упадочных настроений, расслабление пролетариата мелко-буржуазным настроением—вот то, чего нельзя допустить и что в первую очередь надо иметь в виду в борьбе с анархо-махновщиной. Успех деятельности анархистствующих может быть только тогда, когда создастся на-лицо такая упадочная атмосфера в массах рабочего класса.

Только на почве усталости, разочарования внутри главной силы революции—пролетариата, может восторжествовать временно интеллигентствующая бунтарская идеология, а не на почве его революционной сознательности, как это думают анархисты.

Опыт уже имеется, он предостерег все революционно мыслящее в республике.

Кронштадтское восстание с его противоречивыми лозунгами есть не что иное, как выявление этих просачивающихся в город стихийных настроений.

„Мы, кронштадтцы, еще второго марта сбросили проклятое иго коммунистов и подняли красное знамя третьей революции трудящихся...“ так начинается первое воззвание кронштадтских бунтарей. Они начинают с лозунгов махновщины. В качестве требования они выставили знакомые махновские вольные советы. Это восстание было поддержано частью рабочих, большая же часть была пассивна. И даже некоторые члены Р.К.П., правда, молодые коммунисты, а больше всего пролазы, были захвачены этой стихией. Одни пошли в ряды восставших, другие поспешили выйти из партии. В результате на сцену появляются белые офицеры, а движением овладевают агенты контр-революции; за границей белогвардейские лидеры берут ориентацию на кронштадтчину; Милюков и Савинков, эти теоретики

и практики буржуазно-монархического режима, на опыте кронштадтчины, дают директиву своим агентам, что вначале надо вызвать массы против Советской власти под лозунгом свободных Советов. Таким образом, 3-я революция объединила „анархистов набатовцев“, махновские банды, кулаков на Украине, Милюкова, Савинкова и бело-гвардейщину за-границей. Для всех их в первые дни третьей революции нашлось бы общее дело свержения Советской власти, после же они бы разделились, но выгода от этого была бы несомненно на стороне Милюкова и компании. Характерно, что анархо-махновцы на Украине перепечатавали воззвания кронштадтцев и вообще не скрывали своих симпатий к ним.

Вот почему политической задачей на долгое время перед Советской властью и компартией является установление нормальных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. Нельзя допустить того бы то ни было посеять вражду между этими двумя классами, усилить имеющийся антагонизм между городом и деревней. Всякий, кто трезво смотрит на события и делает такие же трезвые выводы, должен признать, что пассивность, усталость, упадочность должны быть неизбежны в момент тяжелых экономических переживаний пролетариата. В то же время крестьянство, мало сознательное, не лишенное собственнических инстинктов, будет предъявлять требования к пролетариату и Советской власти. На Украине кроме этих фактов еще и отсутствие достаточно полной и систематической работы в низах деревни создает твердую почву для махновщины, которая была сильна поддержкой крестьянства там, где не было или почти не было настоящей Советской власти.

«Обращает на себя внимание полнейшее отсутствие политической и организационной работы по укреплению Советской власти. Члены некоторых исполкомов,—махновцы; напр., в д. Старый Керменчик, в с. Ивановском предвоисполкома б. жандарм, в с. Бол. Варкуба предвоисполкома кулак и его зам. б. старшина, и так без конца*).

Там же, где усиливалась политическая и строительная работа, быстро же сказывались и результаты:

*Связи города с деревней не имеется, политработа совершенно не велась, сведения с фронта поступают в провокационно-извращенном виде, газет нет совершенно. О Советской власти крестьянам разъясняют только мешочники**);

На весь уезд (Мариупольский) имеется всего 8 ком'яческ. Политсекция провела плановую ударную полит-работу, результаты ее сказываются быстро. В Мариупольском, Гришинском и Юзовском районах махновщина идет на убыль; в настроении крестьян резкий перелом, они ругают махновцев и требуют установления настоящей твердой Советской власти и чтобы она разделалась с бандитами».

*) Из доклада комиссии по обследованию Мариупольского уезда.

**) Из доклада политсекции.

Итоги и выводы.

В предыдущем обзоре развития анархо-махновщины мы проследили, как она превратилась в один из видов бандитизма на Украине, растоптав и подчинив себе всякие анархические бредни. Бандитское движение имеет разновидности;—петлюровщина, зеленевщина, григорьевщина и махновщина, несмотря на их различные политические платформы и выдвигаемые ими лозунги, выражают собою крестьянско-кулацкое, враждебное Советской власти и диктатуре пролетариата движение. Его используют группы анархистов, группы Скоропадского, комитет спасения Украины, „Национальная Венская Рада“, петлюровское правительство, «Тарновская Рада», группы эс-эров Савинкова, одним словом, все враги Советской республики. Для них оно является авангардом и разведкой использования возможностей свержения Советской власти. Можно ли рассматривать по категориям все эти виды и типы бандитизма, в том смысле, что каждый из них выражает собою известную крестьянскую прослойку? Если брать положение крестьянства на Украине таким, как оно есть теперь, то это будет верно. И петлюровщина, и анархо-махновщина укрепились, развились и действуют на почве отсталости культурных и экономических отношений внутри крестьянства. Исторически рабочий класс и его партия не сумели выявить в украинском крестьянстве классово-враждебные и противоречивые друг другу группы. Деревней мы овладеваем гораздо медленней, чем идет развитие пролетарской революции. В стране с громадным преобладанием крестьянства не могло быть иначе. Бандитизм на Украине, во всех его проявлениях, выражает нашу историческую и культурную отсталость. Если бы мы к началу октябрьской революции в лице крестьянской бедноты имели вполне опролетаризованную часть деревни, несомненно, бандитизм был бы менее острым и затяжным. Но этого нет, и с этим надо считаться. Кто думал, что мы крестьянский вопрос разрешили, решив земельный вопрос, тот глубоко ошибался. При наших сложных условиях, не дающих возможности восстановить производительные силы страны в соответствии с требованиями жизни, отсутствие реальной помощи со стороны международной революции, непрерывной гражданской войне, нельзя было ничего иного ожидать, как неизбежного столкновения с крестьянской стихией. За период революции нам удалось часть крестьянства на Украине отколоть и сделать опорой пролетарской революции. То же было в свое время и в России. Однако, не следует думать, что с частью незаможных селян, так же как с комитетами бедноты в России, мы сумеем избежать длительности крестьянского движения. Крестьянство не могло

изжить свои собственнические, мелко-земледельческие инстинкты за три года, так как это создавалось в нем веками. Ведь, что случилось за четыре года революции? Прошла жесточайшая, какой в истории классовой и революционной борьбы подобным нет места, полоса гражданской войны. Какую же роль в этой войне играло крестьянство? Роль основной силы, при помощи которой Советская власть боролась с российскими помещиками и буржуазией и с мировой контр-революцией. Можно ли утверждать, что участие крестьян в этой борьбе объясняется его сознательным отношением к пролетарской диктатуре? Конечно, нет. Крестьянство боролось за землю, за свои собственнические интересы. Рабочий класс и пролетарская власть боролись за экономическое и политическое раскрепощение. Интересы совпали, хотя и пролетарская революция, и рабочий класс, по самой своей сущности, заинтересованы не в том, чтобы крестьянин стал собственником, а в том, чтобы крестьянина вовлечь в социалистическое строительство. Но история не делается по программе, и никто не мог требовать от Советской власти и коммунистической партии, чтобы они указали, в какой день установится идейное и классовое единство между пролетариатом и крестьянством. Советская власть могла это только облегчить и всевозможными средствами ускорить процесс сближения. То, что Советская власть три раза в наиболее серьезные и острые моменты революции входила в соглашение с Махно, является практикой основного отношения пролетарской партии к мелкой буржуазии. Мы могли с ним сговариваться, соглашаться, но должны были им овладеть. Коль скоро этого не случилось, необходимо было вести вооруженную борьбу, так как махновское движение есть то же вооруженное физическое движение. Поэтому в принципе не было никаких погрешностей. Вопрос исключительно тактический: целесообразно ли было входить в соглашение, или это не дает никаких результатов?

Когда мы вспомним, что крестьянство вообще мелко-буржуазно, а украинское особенно, теоретический вывод может быть один: анархисты в данный переходный момент стремились использовать мелко-буржуазную сущность крестьянства. Мы не можем разложить ее на части и сказать: вот здесь она (мелко-буржуазная сущность) анархо-махновская, а здесь петлюровская, зеленковская и т. д.; практически это выявляется в наиболее яркой поддержке их кулаками, т. е. верхушкой деревенской мелкой буржуазии. Ведь, трудно доказать, что наиболее близкий к диктатуре пролетариата слой крестьянства—беднота,—является классово-определившимся вполне, иначе говоря, он вполне сознательно поддерживает социалистическую революцию. Экономически он близок к этому—его бедность является толчком к союзу с рабочими промышленности: но все же по психологии он еще долго будет мелко-буржуазен, будет вздыхать по собственности.

После этого ясно, что собрание уже достаточно успевшего расплыться рабочего класса, укрепление его рядов, проведение неуклонно строго пролетарской линии в рабочих организациях, вовлече-

ние рабочих в экономическую и хозяйственную работу, является лучшей броней против мелко-буржуазной стихии.

Восстановление сельского хозяйства, внимательное и осторожное отношение к крестьянству, налаживание экономических отношений в городе и деревне, усиленная культурная работа в низах деревни, это те средства, какие выбьют почву из под ног махновщины. Ведь, что сейчас наблюдается в деревне? Еще только после опубликования декрета о продналоге и о закреплении земли за крестьянами наблюдается усиленная тяга крестьянства к улучшению и расширению своих хозяйств. Выгодно ли это Советской власти и дальнейшим перспективам революционного строительства? Несомненно выгодно, так как с улучшением собственнических крестьянских хозяйств усиливается экономическое благосостояние страны. Улучшение производительных сил в деревне, усиление техники, культуры—это тот базис, на котором будет вырастать коммунизм. Нынешний и, очевидно, весьма длительный период должен быть заполнен созданием такого базиса.

СОДЕРЖАНИЕ:

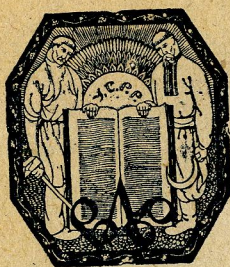
	Стр.
Предисловие	5
Анархо-махновщина, как мелко-буржуазное бунтарство	7
Махновское партизанчество и его деятельность (жизнь и «подвиги» махновской вольницы)	24
Теория и практика анархо-махновщины	32
Анархо-махновщина—проводник мелко-буржуазных настроений .	50
Итоги и выводы	52

20 ✓

1162
(1986)

3276

ی 3276 ISI